

Дмитрий Поляков-Катин

БЕРЛИНСКАЯ ЖАРА

РОМАН

Дмитрий Поляков-Катин

Берлинская жара

«Художественная литература»

2019

УДК 82
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Поляков-Катин Д.

Берлинская жара / Д. Поляков-Катин — «Художественная литература», 2019

ISBN 978-5-280-03909-4

Новый роман лауреата Бунинской премии Дмитрия Полякова-Катина не разочарует даже самого взыскательного читателя. Жанр произведения весьма необычен: автору удалось совместить традиционное повествование, хронику, элементы документалистики и черты авантюрного романа, а также представить новый поворот в известной читателю теме – разработки Гитлером атомного оружия. «Берлинская жара» – книга, которую ждали давно, с момента выхода в свет романа Юлиана Семенова о Штирлице- Исаеве и его знаменитой экранизации.

УДК 82
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-280-03909-4

© Поляков-Катин Д., 2019
© Художественная литература, 2019

Содержание

1942 год	6
Лейпциг, Линнештрассе, 5,	6
1943 год	8
Берлин, Вильгельмштрассе, 77,	8
Берлин, Шарлоттенбург,	11
Москва, площадь Дзержинского, 2,	16
Берлин, «Адлерхоф»,	18
Потсдам,	21
Москва, НКВД СССР,	25
Москва, Кремль,	28
24 мая	29
Берлин, Шарлоттенбург,	30
Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, 8,	33
Берлин, Кройцберг,	35
Далем, резиденция рейхсфюрера СС,	39
Берлин, Беркаерштрассе, 32,	42
Ванзее,	44
Стокгольм, ипподром Солвалла,	47
Берлин, Панков,	50
Цюрих, Кирхгассе, 2,	53
Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, 8,	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Поляков-Катин

Берлинская жара

1942 год

**Лейпциг, Линнештрассе, 5,
Институт физики при Лейпцигском университете,
23 июня**

В тот день профессор Гейзенберг вел семинар по атомной теории, используя перерывы между лекциями для игры в настольный теннис. В этом сказывалось скорее свойство жизнерадостной натуры светила квантовой механики, нежели склонность к педагогическим изыскам. Он побеждал красиво, неожиданным срезающим ударом после долгой игры «на равных». Прогривать он не любил и не умел.

Никто бы не подумал, что в это время в бункере под неприметным баракком на территории Института физики (литера D8) осуществлялся эксперимент, положительный исход которого способен был вывести военную машину рейха на недосыгаемую высоту.

Два месяца назад смонтированный на глубине пяти метров урановый котел «L-IV», состоящий из двух соединенных друг с другом алюминиевых полусфер, внутрь которых поместили 750 килограммов урана и 140 килограммов тяжелой воды, и опущенный в резервуар с водой, выдал ошеломительный результат – до поверхности котла долетало большее число нейтронов, чем излучал находящийся в центре источник.

Работавший с Гейзенбергом профессор Георг Дёпель, взволнованно жестикулируя, докладывал в Управлении вооружений сухопутных сил: «Таким образом, эта конфигурация котла обеспечивает рост нейтронов на тринадцать процентов! Рост, господа! Можно уверенно говорить о небывалом успехе немецкой физики! Если мы увеличим котел, загрузив в него примерно пять тонн замедлителя и, скажем, до десяти тонн сплавленного металлического урана, то мы получим работающую урановую машину!»

Спустя месяц завод № 1 во Франкфурте приступил к изготовлению пластин урана, произведенного концерном «Дегусса», для лейпцигского котла.

Прямо во время лекции в зал влетел перепачканный сажей ассистент Дёпеля, сжимающий в руке респиратор и защитные очки, которые запрещено было выносить за пределы объекта D8, и знаками попросил Гейзенберга выйти. Тот нахмурился и, объявив короткий перерыв, подошел к бледному, как собственный халат, парню. Пока они бежали по коридорам, ассистент срывающимся от возбуждения голосом сбивчиво рассказывал о случившемся:

– Понимаете, господин Гейзенберг, мы достали котел из воды. Профессор Дёпель распорядился достать котел из воды, потому что он был в воде, и вдруг – пузыри. Мы проверили, а там – водород. Наверно, уран среагировал с водой. Решили вынуть котел из воды. Ну, мало ли, сколько там ее попало внутрь? Может, там течь, надо было проверить.

– Достали – и дальше? – не выдержал Гейзенберг.

– А дальше Тео совсем чуть-чуть ослабил колпачок штуцера, самую малость. И тут воздух начал сперва затягиваться внутрь, с такой силой, со свистом, как будто там вакуум, а потом из трещины повалил огонь... брызги огня. Трещина растет. Я побежал за водой, профессор Дёпель послал меня за водой... и сам побежал. Потом мы стали тушить, и профессор велел выкачивать тяжелую воду, чтобы спасти котел. А оттуда дым, клубами, черный. По трещине даже алюминий поплыл.

– Так сбили огонь или нет?

– Огонь сбили. А котел – назад, в воду...

Когда они вбежали в лабораторию, Дёпель сидел верхом на стуле и, положив локти на спинку, курил. Он вскинул глаза на тяжело дышащего Гейзенберга.

– Слыхали? – абсолютно спокойно сказал он. – «Шальке» все-таки проиграл мюнхенцам. Без Фюллера и Берга это уже не команда.

Чуть помедлив, Гейзенберг натянул защитный комбинезон и решительно прошел в помещение, где находился котел. Спустя пятнадцать минут он вернулся.

– Вот что, Георг, – тихо сказал он, зачем-то растирая ладони, – сейчас я пойду в аудиторию, чтобы закончить семинар. Через два часа вернусь. – Он положил руку на плечо Дёпеля. – Вы молодец. Постарайтесь зафиксировать ситуацию, просто зафиксировать. Но будьте осторожны. Не думаю, что будут еще сюрпризы.

Гейзенберг ошибся. За время его отсутствия температура котла неуклонно росла. Дёпелю ничего не оставалось, кроме как растерянно констатировать накаливание установки. Он определенно не понимал, что следует предпринять при таком положении вещей. Опять вызвали Гейзенберга. К моменту его появления вода, в которую был погружен котел, начала парить.

Стараясь не торопиться, Гейзенберг облачился в защитную одежду: очки, комбинезон, сапоги, респиратор; долго, вдумчиво натягивал перчатки, – но только ступил за порог зала с котлом, где собрались все участники эксперимента, как стены и полы лаборатории поразила ощутимая дрожь.

– На выход! – закричал Гейзенберг. – Все вон отсюда!!

Едва выскочили наружу, лабораторию потряс мощный взрыв. Из глубины бункера ударил фонтан из пылающих крупниц урана, бетонные опоры зашатались, ленты желтого пламени опутали здание. В соседних домах посыпалась штукатурка и лопнули стекла. Секунда-другая, и безымянный объект D8 запылял, как факел.

Пожарные расчеты прибыли на место катастрофы на десять минут раньше подразделений гестапо...

Свежеиспеченный министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер раздавил недокуренную сигару в мраморной пепельнице, сосредоточенно наблюдая, как крохи табачного огня затухают, превращаясь в пепел. Затем перевел взгляд на сидевшего напротив Гейзенберга, вид которого, как ему казалось, излучал беспечность.

– И все же, мой дорогой Вернер, с каким резюме вы меня оставите? Лаборатория разрушена, существенные объемы урана и тяжелой воды утрачены. Что мне сказать фюреру? – с трудом сдерживая раздражение, спросил Шпеер.

Гейзенберг посмотрел на него почти весело.

– Знаете, я придерживаюсь того мнения, что к успеху мы поднимаемся по ступеням провалов и неудач. Иного пути познания не существует. Да, мы потеряли порошковый уран и тяжелую воду. Но мы говорим уже о другом типе замедлителя. А уран станем использовать только твердый. Наука – это не «мерседес», в котором есть педаль газа. А фюреру доложите – путь к созданию оружия возмездия открыт. Теперь уже безусловно. Урановый котел начнет работать, и очень скоро. – Гейзенберг постучал пальцем себя по лбу. – Он уже работает. Так и скажите.

1943 год

**Берлин, Вильгельмштрассе, 77,
Рейхсканцелярия,
14 мая**

Гитлер появился в зале совещаний, расположенном со стороны Фосштрассе, из боковой, неприметной двери, откуда его никто не ждал, одетый не в серый полевой мундир, как обычно, а в темно-синий шевиотовый костюм с широкими лацканами и в новых очках на носу, к которым еще не привык, отчего он сделался похож на учителя словесности из баварской глубинки. За ним следовал рейхсляйтер Борман, приземистый, плотный, подвижный, пышущий свежестью полного лица, на днях назначенный личным секретарем фюрера. Коротко поздоровавшись, Гитлер долго приглаживал волосы напряженно выгнутыми ладонями, бросая на собравшихся настороженно-внимательные взгляды, и молчал. Молчали и вызванные на совещание высшие чины вермахта, СС и МИДа (всего девять человек), давно изучившие повадки фюрера и спокойно ожидавшие начала. С учетом участившихся авианалетов союзников на Берлин проводить такие собрания в помещении Рейхсканцелярии можно было считать небезопасным, однако фюрер хотел показать себе и своим подчиненным, кто в доме хозяин; к тому же формат был определен как краткое совещание. Несмотря на распоряжение фиксировать все выступления участников подобных мероприятий, в зале отсутствовали стенографисты. Это указывало на неформальность данной встречи.

Гитлер выглядел усталым; казалось, он забыл что-то важное, и теперь старается вспомнить. Обожженные в газовой атаке под Ипром глаза заметно покраснели, веки набрякли более, чем обыкновенно. Наконец он внутренне собрался, выпрямил спину, черты лица обрели твердость, в пальцах рук обозначилось напряжение. Он энергично втянул в себя воздух и так же энергично выдохнул. Это послужило сигналом Борману, чтобы объявить начало.

В течение получаса собравшиеся внимательно слушали то, что было им хорошо известно и о чем фюрер говорил практически на каждой встрече. Речь его была полна трюизмов: «нужны решительные действия», «важна концентрация возможностей», – однако в ней также присутствовало ясное понимание происходящего, основная мысль была сформулирована четко, логично и убедительно.

Суть сказанного фюрером сводилась к следующему. В результате просчетов и прямого предательства 6-я армия, оказавшись в кольце под Сталинградом, была уничтожена. «В ней было слишком много русских, – заметил фюрер, имея в виду русских добровольцев, примкнувших к Паулюсу. – А я всегда утверждал, что тевтонский дух требует чистоты». Это поставило Германию перед вопросом выбора стратегии на текущий 1943 год.

Не секрет, что пораженческие настроения посетили часть генералитета, выступившего за переход к глубокой обороне. Этот тезис фюрер снабдил ремаркой: «Я понимаю эгоизм Муссолини, который призывает меня не предпринимать наступательных действий на Восточном фронте и просит перебросить минимум пятнадцать наших дивизий в Северную Африку, чтобы не допустить высадки британского десанта. Увы, храбрость итальянских солдат, как все мы видим, осталась в Древнем Риме. Но я решительно не понимаю германских генералов, готовых отступить перед лицом военной неудачи, предпочтя сдачу завоеванных позиций нанесению мощного, концентрированного контрудара».

Далее Гитлер задался вопросом: имеются ли в сегодняшней военно-политической ситуации основания для подобного оптимизма? Ведь что скрывать – инициатива упущена, фронт

растянут, да и Муссолини ждет помощи. Здесь фюрер обратился к принципу реальной политики, предложенному еще фон Рохау в середине прошлого века. «Нам кажется, что мы оказались в патовом положении. – Фюрер обвел тяжелым взглядом собравшихся и откинулся на спинку кресла. – Но никогда еще международное положение Советов не было столь шатким, как сегодня. Никогда протivoестественная коалиция англосаксов и славянских большевиков не подвергалась такому испытанию, которое неизбежно сотрет ее в пыль».

По данным разведки, на днях Черчилль уведомил Сталина, что движение конвоев с военными грузами из Британии в СССР на какое-то время придется прервать, поскольку весь существующий тоннаж необходим для англо-американской операции на юге Европы. Вероятнее всего, это связано с успехом Красной Армии под Сталинградом. Очевидно, что англичане не хотят победы большевиков. Агентура в Лондоне докладывает, что Кремль в ярости. Из британских источников удалось узнать о телеграмме Сталина, направленной Черчиллю, в которой он в непростительном тоне требует открыть Второй фронт. Судя по всему, Черчилль отказал, поскольку Сталин отозвал своего посла из Лондона. Вероятно, такая же ситуация сложилась и в отношениях с американцами: Литвинов тоже должен будет покинуть Вашингтон.

Здесь Борман передал слово представителю рейхсминистра иностранных дел Хевелю, который проинформировал о реакции мировой общественности на результаты экспертизы останков польских офицеров, обнаруженных в Катыни. «Сикорский порвал отношения с Советами. В Британии, США и Канаде растет возмущение, подогреваемое польскими эмигрантами», – кратко доложил Хевель, отняв платок от распухшего носа: он явился на совещание с высокой температурой. Кроме того, он сообщил о жестких противоречиях Сталина с союзниками в вопросе высадки последних на Балканах. «Пусть высаживаются во Франции, – якобы сказал Сталин. – Балканы – зона моих интересов».

Более того, имеются сведения о том, что Сталин решится на роспуск Коминтерна. При этих словах Хевель выразительно посмотрел на сидевшего по правую руку от Гимmlера и что-то записывающего в блокнот начальника VI управления РСХА (внешняя разведка) штандартенфюрера СС Шелленберга. Тот будто почувствовал взгляд Хевеля и, не поднимая глаз, утвердительно кивнул.

«Все эти дипломатические поражения Сталина, которые следуют одно за другим, – продолжил Гитлер, – наводят меня на мысль: не является ли сложившийся сегодня внешнеполитический пасьянс наиболее выгодным для решительного удара по истощенным силам красных? – Гитлер имел в виду разрабатываемый командованием вермахта наступательный план «Цитадель». – Курско-орловский выступ напоминает мне нос, вернее, переносицу. В боксе прямой удар в переносицу, как правило, решает исход поединка. Поэтому я хочу услышать аргументированные возражения, чтобы принять нужное решение. Доводы Моделя и Гудериана, как и присутствующего здесь Шпеера, уже вынудили меня отложить начало операции». Поспешная реплика начштаба вермахта фельдмаршала Кейтеля, что наступление следует предпринять по политическим соображениям, повисла в воздухе.

Реальная политика, сказал фюрер, заставляет нас правильно распределить приоритеты. Поэтому Муссолини придется своими силами сдерживать противника. А наш кулак следует направить туда, куда выгодно для Германии. В этой связи мы ждем от абвера, равно как и от СД, значительно большей активности в сборе оперативной информации. Гитлер обратился к сидевшему тихо, как мышь, новому начальнику первого отдела абвера полковнику Ханзену: «Кстати, где Канарис? Не так часто я зову его на совещания». Ханзен сбивчиво доложил, что Канарис в Испании. Но Гитлер не стал его слушать, махнув рукой.

В этом месте Хевель сдавленно чихнул. Гитлер удивленно посмотрел на него: «Надо лечиться, Вальтер. Сейчас не время болеть». Хевель судорожно закивал и погрузился в носовой платок.

«А теперь о главном, о том, что внушает мне оптимизм, что питает мою веру в победу. – Вытянутая рука фюрера мягко опустилась на стол. – Это великие достижения нашей науки в создании чудо-оружия, которое – теперь я в этом абсолютно уверен – поставит жирный крест на этой войне, сколько бы фронтов против нас ни открывали наши враги. И речь вовсе не о «Фау», как вы могли подумать. Речь о том, что трудно себе даже вообразить. И уже очень скоро. Предлагаю рейхсфюреру Гиммлеру, который, по моему распоряжению, возглавил весь комплекс работ по созданию нового вооружения, доложить о нашем прорыве в этом направлении». Легкое оживление в зале показало неподдельный интерес к этой теме.

Не изменив напряженной, почти робкой позы, Гиммлер поправил очки, тихо кашлянул, принял черную папку из рук Шелленберга и деликатно подвинул ее Гитлеру.

– Мой фюрер, – тихо сказал он, – прежде чем я смогу ответить на ваши вопросы и на вопросы моих коллег, прошу вас лично просмотреть этот доклад. Как вы, безусловно, понимаете, есть определенная специфика, выделяющая данную тему, и я бы просил, чтобы вы с ней предварительно ознакомились. В любом случае и я, и соответствующие специалисты круглосуточно в вашем распоряжении.

– Вы считаете?.. Хорошо. – Гитлер передал папку Борману и согласно кивнул.

Стало понятно, что Гиммлер не желает раскрывать подробности в присутствии кого бы то ни было, кроме самого фюрера. С его подачи о чудо-оружии болтали в каждой пивной, так что вера в него растаяла раньше слухов. Но вот надежды пылали все жарче.

Других выступлений предусмотрено не было. Гитлер встал. Вслед за ним, с грохотом отодвигая массивные кресла, поднялись все присутствующие.

– Я пригласил вас вовсе не затем, чтобы здесь и сейчас принять решение, – устало подытожил фюрер, – а затем, чтобы, с учетом всего здесь сказанного, вы подумали и сделали свои выводы, о которых мы еще поговорим. – Он замолчал, устремив взгляд на объемную картину Воллбера «Партийный съезд в Нюрнберге» 1933 года, и тихим голосом добавил: – Это относится ко всем сомневающимся... Хайль.

Когда они выходили из рейхсканцелярии, со стороны Унтер-ден-Линден донеслись визги сирен, предупреждающие о возможности авианалета. Надев фуражку, Шелленберг невесело пошутил, вращая пальцем возле своего уха:

– Если бы слуха Вагнера коснулись эти звуки, валькирии полетели бы под другую музыку.

Кейтель холодно посмотрел на него через монокль в левом глазу и ничего не сказал, а вот Йодль не сдержал усмешки. Идущий позади рейхсминистр Шпеер похлопал Шелленберга по плечу и шепнул ему на ухо: «Забавно».

Берлин, Шарлоттенбург, 16 мая

В лабиринте подвалов роскошного отеля «Адлерхоф», возведенного на фундаменте винных амбаров в стиле прусского эллинизма чуть ли не самим Карлом Фридрихом Шинкелем (что было, конечно, рекламным мифом), время словно застыло в точке довоенного благоденствия. По неведомым причинам самолеты союзников обходили стороной дорогу на Потсдам, зенитные батареи на Кайзерштрассе преимущественно стояли без дела, и отчасти по этой причине «Адлерхоф» уверенно держал марку спокойной и безопасной гавани для приезжающих в Берлин госчиновников, высокопоставленных военных и иностранцев.

Запоздалая весна навалилась наконец теплой грудью на измученный холодными дождями город, согрела его мягким жаром созревшего тела, и на какой-то миг могло показаться, что войны нет, а есть только солнце и цветущие под ним душистые кусты сирени. С улиц исчез наконец терпкий дух бурого угля, которым испокон века топились печи берлинских домов, и оживившиеся хозяйки кинулись драить покрытые рыжим налетом окна и подоконники своих квартир, словно смывали следы тяжелой зимы со своей жизни.

Бодро загребая кривой ногой, в бар отеля «Адлерхоф» спустился, как всегда, идеально выбритый, с фиолетовой бабочкой вместо галстука, Гуго фон Носков по прозвищу Джорджи Танцуй-нога, последний представитель захиревшего рода саксонских землевладельцев, и решительно направился в казино. Танцуй-нога был фатальный игрок, еще до войны промотавший на скачках львиную долю родительского состояния и теперь добывавший его остатки, всеми доступными способами испытывая Фортуну.

За собой на подводке он тащил упиравшегося, сдавленно хрипящего черно-белого бульдога с грозно выдвинутой нижней челюстью.

Проходя мимо барной стойки, Джорджи задержался возле одиноко сидевшего перед стаканом кальвадоса управляющего отелем Франса Хартмана, крепкого брюнета с медальным профилем и смуглой, лоснящейся кожей: над верхней губой протянулась щегольская полоска усов. По-видимому, он сидел так давно, задумавшись, ни на кого не обращая внимания. Будучи подшофе, Джорджи проскочил было мимо, но, дернувшись, застыл на месте, прикидывая, что бы такое сказать позакковыристее. Не поворачивая головы, Хартман заметил:

– Английский бульдог. Это не очень патриотично.

Джорджи дернул за поводок, пес, тяжело дыша, сел под стойкой.

– Но ведь немецких еще не вывели, – ухмыльнулся Джорджи и плюхнулся на барный стул рядом с Хартманом. – Уверяю тебя, и фюрер предпочел бы такого французскому. Мы, немцы, не любим слащавых собак.

– И как тебе хватает денег кормить такого бегемота?

Худое лицо Джорджи посетила гримаса хмельного самодовольства.

– Это мой Боров. Его зовут Боров. С ним мне не страшны никакие авианалеты.

Боровом в народе называли главу люфтваффе Германа Геринга. Хартман повернул к Джорджи лицо с насмешливой ухмылкой:

– Мой друг, с такими шутками недолго оказаться в Дахау.

– Но ты же меня вытащишь, – возразил Танцуй-нога и игриво насторожился: – Или все-таки упечешь, как велит долг немецкого офицера?

Все знали, что, являясь управляющим столь крупного отеля, Франс Хартман, как и многие сугубо штатские персоны, занимавшие важные общественные посты, неизбежно получал звание в системе СС, причем звание существенное, хотя и относился он к этому как к формальному обременению. Все знали и то, что Хартман не грешит доносами, не кичится связью с полицией безопасности, что он прост, открыт, не настаивает на единомыслии, что к нему

можно обратиться в трудную минуту. К тому же он был наполовину испанцем, звали его Франсиско, являясь гражданином Германии, он сохранил и испанский паспорт, хотя и не мог без особого разрешения выезжать за рубеж, как его патрон, швед Андерсон, действительный владелец «Адлерхофа», и эти обстоятельства как-то располагали к нему всех, кто был с ним знаком.

– Знаешь что, Гуго, я дам тебе совет, абсолютно бесплатный. Ты играй в карты, в рулетку, в лапту, во что хочешь. Но не играй с гестапо. Не надо. Там работают люди без чувства юмора. А эта твоя бравада... – Хартман принял прежнюю позу, отвернувшись от Джорджи. – Ступай-ка ты в казино. Там тебя уже заждались.

Тонкие губы Джорджи вытянулись в подрагивающую нить.

– Да, – сказал он, – нам всем надо было это понять давным-давно... Идем, Боров, – обратился он к собаке, – нас уже заждались.

Оставшись в одиночестве, Хартман щелкнул зажигалкой и задумчиво уставился на красноватое пламя. Кальвадос был налит в стакан для виски, но виски, по понятным причинам, в баре не было. Он к нему так и не притронулся. В его лице нельзя было разглядеть ничего, кроме спокойствия, и лишь строгая складка между бровей выдавала внутреннюю напряженность.

– Господин Хартман, – обратился к нему бармен, худой парень, которому Хартман выбил бронь от мобилизации, – звонил портье. Вас спрашивает какой-то офицер.

– Спасибо, Гюнтер. – Хартман отодвинул стакан, поднялся, одернул пиджак и поправил галстук. – Проследи, чтобы господин фон Носков не налился до мертвого тела. И принеси из подвала ящик шнапса. Сегодня будет много военных. Пусть девочки ведут себя по возможности скромно.

Поднимаясь по лестнице, он наткнулся на торгпреда концерна «СКФ» Свена Берглунда, тучного, краснощекого шведа с могучими руками землекопа и круглыми детскими глазами в обрамлении пушистых ресниц. Последние четыре года Берглунд непрерывно крутился в треугольнике Стокгольм – Швайнфурт – Берлин, обеспечивая поставки шведских подшипников, уплотнителей и систем смазки для вермахта. Теперь он экстренно прибыл в Берлин из Женевы, чтобы в «Адлерхофе» встретиться с кем-то из министерства вооружений и боеприпасов, а затем получить аудиенцию у начальника управления Вагера и, возможно, у самого Шпеера.

Берглунд обрадовался Хартману, как родному:

– Знаете, Франс, о чем сейчас больше всего говорят в Женеве? Все обсуждают, – он начал загибать толстые пальцы, – Сару Леандер. Свадьбу венгерского посланника и местной графини, которая старше его на двадцать лет. Праздник винных подвалов... Что еще? А! У них заглох их знаменитый фонтан... Ужас!

– Это может стоить им слишком дорого, – покачал головой Хартман.

– Что именно?

– Беспечность. В наше время этот товар идет по двойной цене. – Хартман печально вздохнул и заметил: – До меня донеслись кое-какие слухи про Швайнфурт.

– Это не слухи. Янки пытались бомбить наш завод в Швайнфурте, но доблестная германская ПВО испортила им обедню. – Берглунд неуместно захохотал. – Признаться, в какой-то момент я усомнился в целесообразности нашей встречи с господином Шпеером.

– Как поживает ваш отец? – спросил Хартман. – Кстати, мне в руки попал интересный рецепт от подагры.

– О, я не видел его уже полгода. Он уехал на Готланд и живет там анахоретом, ни с кем не хочет общаться...

Они еще немного поболтали, потом Хартман, сославшись на то, что его ждут, откланялся, предусмотрительно пригласив Берглунда на ужин, когда тот завершит все свои дела.

Завидев Хартмана, портье глазами указал на долговязого майора, укутанного завесой сизого дыма, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу, точно конь в стойле.

– Господи, Франс, наконец-то! – кинулся он к Хартману, стуча каблуками сапог по начищенному паркету. – Как хорошо, что я тебя застал! У меня совершенно нет времени, через час лечу в Польшу, а ведь надо еще добраться до Темпельхофа. Так что постарайся меня услышать за оставшиеся три минуты.

Хартман знал этого офицера люфтваффе около двух лет. Они познакомились случайно в Париже, когда в одном из летних кафе приударили за двумя француженками, оказавшимися служащими гестапо.

– Что ж такое ты куришь-то? – с удивлением поморщился Хартман.

– А, это... Это называется махорка – даже не знаю, как перевести. Друзья привезли с Восточного фронта. Несусветная гадость, но действует как две пачки наших «Р6». Возьми, попробуй.

– Нет, спасибо. – Хартман закашлялся. – Как вообще это можно курить? Один дым сбивает с ног.

– Русские могут курить даже землю.

– Больше похоже на разновидность химического оружия, – пошутил Хартман. – Ну, ладно. Что у тебя за проблемы?

– Это не у меня. Вон смотри – *kaiguzo*¹ вправо – восхитительная фройляйн, родственница одного моего старого товарища. Идем, я тебя познакомлю. Проблемы, это у нее. Она обратилась ко мне, но что я могу сделать? А у тебя, насколько я помню, хорошая лапа в крипо. Может, поможешь ей чем-нибудь?

Из кресла, задвинутого в нишу эркера, навстречу поднялась худенькая девушка лет двадцати восьми, одетая в легкое летнее платье и шерстяной жакет. Сквозь маленькие очки на них растерянно и беспомощно смотрели прозрачно-голубые глаза.

– Вот, Дори, – сказал майор, – как и обещал. Это господин Хартман, управляющий «Адлерхофом», мой друг. Между прочим, оберштурмбаннфюрер и, вообще, влиятельный человек. Я все сказал, Франс?

– Даже с избытком.

– Ну, полагаю, Дори сама расскажет о своих бедах. А я, дорогие мои, уже улетаю. – Майор сдвинул каблуки сапог. – Больше ни минуты. Улетаю, улетаю. Адъёс, амиго!

Оставшись наедине, Хартман некоторое время молча наблюдал, как девушка что-то взволнованно ищет в сумочке.

– Может быть, присядем? – предложил он.

– Нет-нет, – затрясла головой девушка. – Здесь душно. Давайте выйдем в сад.

Она наконец достала из сумочки сигарету, Хартман любезно щелкнул зажигалкой:

– Хорошо, фройляйн. Тогда сюда, пожалуйста.

Они прошли в сад отеля. Стояла теплая, ясная погода. Сад был устроен в виде террасы с потолком из протянутой по деревянной решетке виноградной лозы, через которую солнце падало на пол сочными пятнами цвета яичного желтка. Снаружи доносился шум большого города, но здесь царил дух непривычного покоя. Они присели на скамью перед неработающим фонтаном.

– Доротея Сюржит, – представилась девушка и неуверенно протянула руку. – Можно просто Дори.

– В таком случае зовите меня Франсом.

– Вы служите в СС?

¹ Кодовая фраза пилотов люфтваффе, обозначающая курс

– Нет, я служу в этом отеле, – усмехнулся Хартман. – Вероятно, вас настораживает мое воинское звание, но, увы, война всем раздает погоны. А вы где служите?

– В АА.

Хартман удивленно вскинул брови. Девушка улыбнулась:

– Министерство иностранных дел сокращено. Я работаю в отделе информации. У меня неплохой английский.

– Читаете вражеские газеты?

– В основном индийские. – Она нервно хихикнула. – Иногда канадские.

– Полагаю, занимательное чтение. Вы довольны?

– Да, конечно. Хорошее снабжение. А главное – душ. Без ограничений.

– О, по нынешним временам, важная льгота. Ради этого стоит помучиться с индийской прессой – Хартман стер улыбку с губ и нахмурился: – Ну, так что же, Дори, я внимательно слушаю вас.

Порывистым движением девушка расправила платье, что позволило Хартману оценить ее изящные колени, обтянутые недешевыми, хотя и несколько подзастиранными шелковыми чулками. Она опустила голову, потом подняла ее и выпрямилась. Ей было явно не по себе.

– Понимаете, – Дори вынула изо рта сигарету и кончиками пальцев сняла с языка табачные крошки, – все произошло так быстро и неожиданно... Я уже говорила Вальтеру. Он сказал, что у вас... что вы... одним словом, что вы располагаете связями в криминальной полиции и, значит, можете помочь.

– Слушаю вас, – мягко повторил он.

– Речь о моем старшем брате. Два дня назад в Кройцберге прошла облава в пивном баре «Тритон». Там шла игра на тотализаторе, карты, рулетка. Оказалось, что, кроме прочего, там сбывали еще и краденое... Словом, такое вот осиное гнездо. Мой брат, Отто, он игрок. Большой человек. Он без этого жить не может. Что я только не делала, но он, как сумасшедший, тащит туда все, что попадает в руки. Вот его и арестовали за компанию. И я не знаю теперь, куда бежать... Обращалась в полицию, но там ничего не говорят. Даже передач не принимают. А один фельдфебель сказал, что, по законам военного времени, его могут отправить в лагерь или даже хуже того – казнить.

– С чего вы взяли, что он там был? Может, он гуляет где-нибудь.

– Не знаю... Но он исчез. Просто не пришел домой. И всё. А мне сказал, что пойдет именно в «Тритон». Но если его арестовали, то по ошибке, потому что Отто не преступник, обыкновенный картежник. А они могут подумать, что он такой же, как эти, из-за которых они все это устроили. В общем, мне необходимо узнать, где его содержат и... Если бы вы нашли возможность что-то сделать, чтобы его отпустили, я была бы вам очень, очень признательна.

– Ну, хорошо, хотя наш общий товарищ несколько преувеличивает мои возможности, я наведу справки, обещаю вам.

– Правда? Тогда вот, – она сунула ему заранее подготовленную записку, – тут мой адрес – это в Трептове, ближе к Кройцбергу – и номер служебного телефона. Я по нему с семи до... ну, в общем, до позднего вечера. Господин Хартман...

– Франс.

– Да-да, Франс, вы не представляете, как я вам признательна.

– Пока не за что, Дори.

Он проводил ее к выходу. Дори протянула ему руку и слабо улыбнулась:

– Благодарю вас, господин... благодарю вас, Франс. Я места себе не нахожу. К тому же если в АА узнают, что мой брат под арестом, да еще с какими-то бандитами, я сразу окажусь на улице. Это, конечно, не главное, но вы сами понимаете, в такое время потерять хорошую работу...

– Не волнуйтесь, Дори. Я что-нибудь разузнаю и сразу вам позвоню.

Дори толкнула входную дверь. В окно он видел, как она идет по улице, мимо «Богвардов» с солдатами, в сторону метро, забыв надеть шляпку. Хартман загасил в пепельнице окурок, вытянул из рукавов манжеты и пошел к портье, чтобы просмотреть список прибывших постояльцев, но на полпути замер на месте. Затем развернулся и почти бегом бросился к выходу.

– Дори!

Девушка обернулась. Короткие светлые волосы растрепались на ветру. Она откинула челку со лба и приставила ладонь к бровям, защищаясь от солнца. И как-то особенно стало заметно, что жакет ей велик, что его пора уже снять, что наконец-то пришло лето.

– Дори, – он вытянул руку, – я хотел сказать... Завтра же выходной. Так почему не поужинать вместе?.. Как вам такое предложение?

Лицо ее осветилось легкой улыбкой.

– Принято, – крикнула она и помахала шляпкой.

Москва, площадь Дзержинского, 2, НКВД СССР, 17 мая

Глубокой ночью дверь в кабинет начальника 1-го управления НКГБ Ванина отворилась, и в проеме возникла скрюченная фигура его помощника, капитана Валюшкина. Стараясь передвигаться на цыпочках, замирая от скрипа паркетных досок, Валюшкин приблизился к кожаному дивану, на котором спиной к горячей на письменном столе лампе спал Ванин.

– Товарищ комиссар, – еле слышно проблеял Валюшкин, – Павел Егорович.

Тяжелое дыхание Ванина на мгновение остановилось, и он стал подниматься, невнятно бормоча: «Да не брал я, не брал». Потом он сел, прижал к лицу ладони, откинул их и поднял на Валюшкина красные глаза.

– И приснится же такая чепуха, – словно оправдываясь, хмуро проворчал он. – Чего у тебя, Валюшкин?

– Шифрограмма из Берлина. От Рихтера. Вы велели будить, если придет.

– Хорошо. – Ванин отбросил плед, которым укрывал ноги. – Давай сюда.

Валюшкин протянул телеграмму.

– И вот что, скажи, пусть... кто там дежурит, Аглая Ивановна?.. пусть она мне кофе сварит покрепче.

– Да я сам сварю, Пал Михалыч. – Круглая физиономия Валюшкина растянулась в улыбке. – Она там сморилась пока, прямо на столе.

– Ну, хорошо, давай. Да гляди, чтоб не остыл.

– Сей момент.

– Что-о?

– Будет сделано, Пал Михалыч. – Валюшкин бодро засеменял в приемную. Этого неуклюжего, лопухого капитана двадцати восьми лет от роду Ванин забрал из госпиталя, где тот приходил в себя после осколочного ранения в грудь. Парня повысили в звании и комиссовали. Тридцатипятилетний Ванин как раз подыскивал себе кого-то вроде адъютанта – если не ровесника, то уж точно моложе себя, и растерянный, похожий на воробья энкавэдэшник, прошедший через мясорубку ржевских битв, привлек его внимание.

Как был, босой, в галифе и белой нижней рубашке, Ванин сел за стол, положил шифрограмму под лампу и внимательно, осмысливая каждое слово, прочитал ее. Рихтер сообщал:

«Рихтер – Старику. От Баварца. Гитлер до сих пор не принял решение о новой дате наступательной операции в направлении Курск – Орел. Гудериан, Модель, фон Клюге, Манштейн настаивают на переходе к окопной войне, чтобы в течение года собрать силы для удара. Гитлер рассчитывает на рост противоречий между СССР и Британией вплоть до разрыва отношений. В ходе совещания 14 мая он отметил важность крупного наступления для поддержания духа в войсках. При этом согласился с мнением Йодля, что пока можно ограничиться операцией на юго-востоке Украины. В заключение Гитлер потребовал к следующей встрече высказать аргументы за и против введения в действие операции «Цитадель». Одновременно наблюдается масштабная мобилизация ресурсов, укрепляется самоходное, танковое и противотанковое оснащение. На совещании Гиммлер передал Гитлеру доклад о достижениях в разработке чудо-оружия, но отказался публично его озвучивать. По словам контакта, близкого к группе Остера, с начала года немецкие физики сделали важный прорыв в урановом проекте».

Красным карандашом Ванин подчеркнул в донесении два последних предложения. Затем подошел к сейфу, достал из него несколько радиogramм, полученных за последний месяц от

резидентуры в Германии, США и Швейцарии, содержание которых пересекалось с тем, о чем сообщал Рихтер, перечитал их и также отметил красным некоторые фрагменты.

В кабинет с дымящимся кофе вошел Валюшкин; стараясь не расплескать, поставил чашку перед Ваниным.

– Костину отправили? – не отрываясь от бумаг, спросил Ванин.

– Так точно.

– Утром, как появится, пусть сразу зайдет.

Валюшкин направился было к выходу, но на полпути замер и обернулся.

– Босый! – всплеснул он руками. – Да как же это вы босый-то сидите? Неделю, как из болезни – и опять?

– Ладно-ладно, иди, – отмахнулся Ванин.

– Как это иди? – не унимался Валюшкин. – Мне что же, опять вам горчичники клеить? Вон же сапоги стоят, каши ж не просят.

– Иди, Сергей, я сейчас обратно лягу.

Губы Ванина тронула невольная улыбка. Сам деревенский, он любил этот сельский говор, которым грешил Валюшкин, родившийся на Вологодчине. Коренастый, крепко сбитый для тяжелой крестьянской работы, с простовато-грубыми чертами лица и маленькими серыми глазами, Ванин часто ловил себя на кажущейся неисполнимой мечте вновь оказаться в родном Капонино – в избе, на сеновале, на речке, – пройти по пыльной улице, потянуть за вожжи отцовскую гнедую кобылу...

– Подними меня ровно в семь, – сказал он Валюшкину. – Да сам вздремни.

Берлин, «Адлерхоф», 16 мая

В последнее время ресторанные вечера в кабаре «Адлерхофа» нередко оборачивались офицерскими скандалами с привкусом фронтового отчаяния. Вот и теперь, спустившись в зал, Хартман увидел, как перебравший гауптман, что-то нечленораздельно рыча, одной рукой старался сорвать с головы повязку, а другой – схватить за шиворот не менее пьяного Джорджи, который слабо вырывался, заливаясь истерическим смехом. Столпившиеся вокруг военные пытались разобраться в конфликте, но только усугубляли его. Кто-то выхватил пистолет. Музыканты бросили играть. Официантки с визгом сбились поближе к выходу. Распалившийся гауптман подсунил в нос Джорджи окровавленные бинты и взревел более-менее внятно:

– Тыловая крыса! Вошь! Сука! Дайте мне пистолет – я пришибу эту мразь!

Из открывшейся раны хлынула кровь, и сцена обрела законченную гротесковость.

– Что встали? – шепотом рявкнул Хартман официанткам. – Успокойте гостей.

Девушки послушно кинулись к возбужденным военным.

Хартман щелкнул пальцами в сторону музыкантов и под умиротворяющие звуки «Лили Марлен» подошел к гауптману, вцепившемуся в Джорджи.

– Марта, наложи повязку, – приказал он старшей официантке и с вежливой улыбкой обратился к гостям: – Прошу успокоиться, господа. Мы все устали. Давайте развлекаться, не унижая звания немецкого офицера.

– А это еще кто? – набросился гауптман на Хартмана. – Очередная тыловая крыса?

Хартман выдернул Джорджи из рук скандалиста и нагнулся к его уху:

– Слушайте, вы, единственная жертва войны, если в окопах вас не научили субординации, то можно повторить урок дома. И мой вам совет: держите себя в руках, когда с вами разговаривает старший по званию.

На залитом кровью лице гауптмана застыла гримаса недоумения.

– Перестань, Вернер, – взял его за рукав пожилой майор с синюшным обмороженным носом и пояснил Хартману: – Простите. Следствие контузии. Но вы все-таки скажите этому, – он кивнул на Джорджи, – что нельзя душить голову людям в полевой форме. Его когда-нибудь пристрелят, не ровен час, и не посмотрят, что он инвалид.

Хартман вытащил Джорджи в коридор. Тот продолжал всхлипывать от смеха:

– А что такого? Играли в кости, я предложил ему поставить «Восточную медаль», а он полез в бутылку.

Хартман пихнул его в направлении выхода:

– Катись домой, Гуго. Ты много выпил.

Презрительно фыркнув, Джорджи потащился наверх мимо спускающегося по лестнице Свена Берглунда, который нес перед собой коробку сигар.

– О, Франс, а я вас ищу, – обрадовался Берглунд. – Слава Богу, дела сделаны, я еду домой. Давайте-ка, мой друг, отметим эту радостное событие.

Они проследовали в маленький, обтянутый темно-красной тканью закуток сразу за каминным залом, в котором помещались лишь два кресла и журнальный стол. По негласной договоренности с гестапо, «Адлерхоф» находился под контролем СД на том основании, что традиционно пользовался благосклонностью высокопоставленных иностранцев и принадлежал гражданину Швеции. Ведомство Шелленберга буквально нашпиговало отель прослушивающей аппаратурой и обязало персонал сотрудничать с профильными инстанциями службы безопасности. Это не означало, что люди Мюллера не совали нос в дела отеля, однако высокое покровительство ограждало Хартмана от излишнего внимания тайной полиции. Впрочем,

в отеле оставались зоны, не охваченные прослушкой, о которых знал только управляющий, одним из таких мест и была комната, в которой разместились Хартман и Берглунд.

– Сегодня беседовал со Шпеером, – сообщил швед. – Оказалось, милейший человек. Культурный, воспитанный. Я не поклонник его архитектурных новшеств, по мне, это слишком холодно, слишком расчеловеченно: эти квадратные колонны, эти голые стены, лестницы, портики. Нет, слишком, слишком... Но мы говорили о Стриндберге, Шпеер хорошо знает Стриндберга, о Толстом. Да, представьте себе, о Толстом.

– По слухам, от Ясной Поляны остались одни головешки.

– Я тоже слышал, – вздохнул Берглунд. – Это ужасно. Что делать, издержки войны. Вряд ли Шпеер мог такое себе представить. Например, он считает, что натуралистический метод драм Стриндберга ранит рефлексирующее сознание, но укрепляет дух. Я напомнил ему обнаженные фигуры перед входом в рейхсканцелярию, и мы смеялись.

Бармен выставил на стол коньяк, бокалы и небольшую закуску.

– Прошу тебя, Гюнтер, – сказал Хартман, – сходи в мой кабинет. Там на столе увидишь рецепт, такая розовая бумажка, принеси ее, пожалуйста.

– Конечно, господин Хартман. – Гюнтер удалился.

– Так, значит, ваша миссия увенчалась успехом? – Хартман разлил коньяк по бокалам. – «СКФ» никогда не упускает выгоду. Прозит.

Бокал скрылся в огромной ладони шведа. Они выпили, и если Хартман только пригубил, то Берглунд хватанул разом всё.

– Даже очень, – сказал он, поморщившись. – Никогда не было так легко. Мы подписали целую кучу контрактов, практически не торгуясь. И все срочные.

– Стоп, ничего не говорите. – Хартман засмеялся. – Как бы не выболтать секрет государственной важности.

– А, бросьте, Франс. Между прочим, вот эти сигары я приготовил для вас. Отличные гаванские сигары из Швейцарии.

Большая, большая редкость. Ими торгует один еврей из России по фамилии Давидов. Никому не говорите об этом. Я счистил его клеймо с коробки. Вот это и есть настоящий секрет государственной важности. Прозит.

Проходя по коридору третьего этажа, Гюнтер разминулся с рослым, голубоглазым блондином в форме унтерштурмфюрера СС, которого он уже видел в отеле раньше. Гюнтер поздоровался с ним и стал думать, нужно ли доложить о нем управляющему. В итоге, поразмыслив, он решил ничего Хартману не говорить.

Между тем унтерштурмфюрер свернул по коридору направо и остановился перед номером, в котором жил Берглунд. Осмотревшись, он вынул из нагрудного кармана ключ, открыл дверь и вошел в номер. Шторы были плотно задернуты. Унтерштурмфюрер включил свет. Беспорядок, царивший в номере, не сбил его с толку. Под столом стоял внушительного вида портфель из свиной кожи, больше похожий на дорожный кофр. Унтерштурмфюрер взял со стола нож для разрезания бумаг, открыл им замки на портфеле и достал оттуда толстую папку. Разложив на столе бумаги, он минуту изучал их, затем включил настольную лампу, в руках появилась крошечная латвийская камера «Минокс», и он быстро переснял отобранные документы, стараясь не смешивать их друг с другом.

Когда Гюнтер принес рецепт, бутылка коньяка на столе опустела наполовину. Лицо Берглунда вспотело и приобрело свекольный оттенок.

– Мне сказали, что это прямо-таки чудодейственное средство при подагре, – заверил Хартман, подавая рецепт Берглунду. – У нас его не купить, но в Швеции, говорят, есть.

– Спасибо, Франс. Специально поеду на Готланд, чтобы отдать отцу.

– Чем он там занимается?

– Ловит рыбу, читает... не знаю. – Берглунд насупился, между бровей прорезалась скорбная складка. Он тяжело вздохнул, допил коньяк и обратился к Хартману с беспомощным взглядом: – Понимаете, Франс, он не хочет меня видеть. Потому и уехал в такую дыру. Считает меня нацистом.

Я ему говорил: это же бизнес. А он и слушать не хочет. Ты помогаешь Гитлеру, строишь для него танки – ну, что на это скажешь?

– Ничего, Свен. Старики не живут будущим.

– Будущим?

– Конечно. Национал-социализм обращен в будущее. Так говорит фюрер.

Берглунд удивленно посмотрел на Хартмана.

– Возможно. – Он помолчал, потом с грустью произнес: – Война кончится... И что я буду делать?

Хартман взглянул на часы:

– О-о, Свен, мне пора. Через семь минут у меня деловая встреча.

Хартман не обманывал. На соседней улице в небольшом ресторанчике «Бархатный кролик» у него действительно была назначена встреча с оберст-лейтенантом Людвигом Хайко, служащим в абвере. В «Бархатном кролике» они встречались потому, что там почти всегда былолюдно и шумно, так что затруднительно было прислушаться к тому, о чем говорят за соседним столом, а Хайко любил поговорить о том, во что свято верил. Верил же он в то, что власть в рейхе может быть обновлена через военный переворот и убийство фюрера.

Потсдам, 17 мая

К невзрачному двухэтажному особняку на Хеббельштрассе Шелленберг приехал на скромном сером «Опель Кадетт», популярном среди чиновников средней руки и зажиточных лавочников. Свой роскошный «Хорьх-853А» с черными крыльями, кожаным верхом и дверцами цвета слоновой кости он оставил в гараже, чтобы не привлекать лишнего внимания. Приказав водителю ждать на противоположной стороне улицы, шеф германской разведки легкой походкой влетел внутрь здания. По линии коридора выстроилась прислуга.

– Гертруда, Отто, Матиас, – махнул рукой Шелленберг. – Наверху уже собрались?

– Так точно, господин Кёрбель. Ждут вас.

– У меня еще две с половиной минуты, – сказал Шелленберг, передавая шляпу гувернантке.

Он задержался перед зеркалом, внимательно оглядел себя с ног до головы. На нем был светло-серый твидовый костюм в еле заметную бледную полоску и бордовый галстук под кипенно-белым воротником сорочки. Мягкие светлые волосы были идеально уложены и спрыснуты туалетной водой. Аккуратность Шелленберга всегда граничила с дендизмом, особенно когда не возникало надобности надевать форму.

Этот конспиративный особняк СД был защищен от прослушки, в первую очередь, со стороны гестапо. В просторном кабинете, с дубовыми консолями, массивным камином и обширной библиотекой из золоченых томов никогда не открывавшихся энциклопедий, Шелленберга встречали трое: переподчиненный СД доктор фон Краббе из 3-го управления РСХА (наука), штурмбаннфюрер Майер и советник профессора Гейзенберга, доктор Шпаан, ответственный за контакты с кураторами из СС. Слева от входа за небольшим столом замер прямой, как жердь, оберштурмфюрер с маской нерассуждающего автомата на лице. Перед ним разместились телефон, ручка и стопка проштампованных листов бумаги, воспользоваться которыми он мог только по указанию начальника.

– Будете кофе, господа? – Появившийся минута в минуту Шелленберг пожал всем руки, сел в жесткое бидермайерское кресло, закинул ногу на ногу и расплылся в широкой, располагающей к себе улыбке. – Или, может, кто-то предпочитает иные напитки? Говорят, будто Черчилль за день выпивает литровую бутылку виски. Как думаете, правда? Фриц, – обратился он к оберштурмфюреру, – распорядитесь насчет кофе.

Легкий тон не снял почтительной напряженности, сковавшей собравшихся, и Шелленберг, кашлянув, нахмурился и решительно перешел к делу:

– Итак, господа, хочу вам сообщить, что подготовленный вами доклад три дня назад был передан фюреру. Это хорошая работа. Но надо идти дальше. Во время моей последней встречи в Лейпциге с Вайцеккером мы говорили об испытании уранового заряда, и меня заверили, что такое испытание возможно осуществить в самом ближайшем будущем. Вы же присутствовали при этом разговоре?

Шпаан, к которому был адресован вопрос, встрепенулся и, казалось, сразу взмок от волнения. До этого момента он сидел, нахохлившись, как пойманная птица, провалившись в собственный пиджак. Все знали, что за открытой улыбкой начальника 6-го управления РСХА скрыт жесткий, расчетливый функционер, напрочь лишенный сентиментальности.

– Да, конечно, – затряс головой Шпаан. – Испытания могут пройти через три, максимум пять месяцев.

Шелленберг нагнул голову и тихо произнес:

– Через три.

– О, да, – охотно подтвердил Шпаан, – через три.

– Хорошо. Я так и доложу рейхсфюреру. А вы – профессору Гейзенбергу. – Шелленберг отвлекся на кофе. – Кстати, мы направили вам несколько расшифровок из Лондона и Лос-Аламоса. Насколько интересна эта информация с точки зрения физиков?

– Ничего принципиально нового, господин Кёрбель. Судя по этим донесениям, они топчутся на месте. По нашим прикидкам, отставание на год-два.

– Позвольте, Шпаан, – вступил в разговор Краббе, – я добавлю. Они по-прежнему ориентированы на тяжелую воду в качестве замедлителя нейтронов в цепной реакции. А в наших котлах уже используется чистый графит. Разумеется, они к этому скоро придут, но Боте понимал значение графитовых стержней еще в сороковом. Пока они уверены, что мы работаем только с тяжелой водой, которую производит норвежский «Норск-гидро».

– Мне это известно, – с ироничной выразительностью вставил Шелленберг.

– Простите, господин Кёрбель, – смутился Краббе и продолжил: – Вы, безусловно, правы, нам нельзя успокаиваться, потому что временной лаг постоянно сокращается. Но наши вбросы тормозят этот процесс. И каждый мнимый успех отвлекает их, вынуждая разбираться. Вот сегодня, как вы, конечно, знаете, Лондон возится с провальным проектом котла, начиненного висящими в тяжелой воде прессованными урановыми кубиками. Мы дали понять СИС, что он представляет для нас стратегический интерес, и теперь они пытаются завести эту машинку.

– Однако, – робко заметил Шпаан, – информация из Лос-Аламоса все-таки показывает, что по некоторым позициям американцы наступают нам на пятки, а где-то и опережают. Например, по изотопу урана...

– Я думаю, некоторые лаборатории следует перенести на новое место, – неожиданно сказал Шелленберг. В этом была его обычная манера вести разговор: резко менять тему по каким-то одному ему понятным причинам и наблюдать за реакцией собеседника, делая выводы насчет его личности.

Повисла вопрошающая тишина.

– Налеты участились. Я думаю, ключевые лаборатории лучше разместить поближе к лагерям с пленными. Союзники вряд ли станут бомбить лагеря, которые таким образом превратятся в естественную защиту нашим ученым.

– Отличная идея, – воскликнул Майер. – Сегодня же этим займусь.

– Простите, я перебил вас. – Шелленберг протянул руку к Шпаану. – Продолжайте.

Шпаан, которого никто не перебивал, вытянул шею и, закусив удила, принялся говорить о запуске управляемой реакции деления ядер урана, о добыче из природного урана 235 и о том, в какой мере немецкие физики сумели подвести свои открытия к практическому конструированию атомной супер-бомбы. Особое внимание он уделил технологии наработки оружейного плутония.

Шелленберг внимательно слушал его. Он дал ему договорить до точки и только тогда спросил:

– Как вы думаете, Шпаан, доктор Эбель знает, что мать его жены – чистокровная еврейка?

В наступившей тишине отчетливо было слышно, как в соседней комнате щелкает секундная стрелка напольных часов. Округлив глаза, Шпаан отрицательно мотнул головой.

– В таком случае, – сказал Шелленберг и сделал знак оберштурмфюреру, который тотчас вскочил и доставил ему тонкую серую папку с символом СС на обложке, – не сочтите за труд и передайте ему. Тут часть досье, в которой освещается эта пикантная подробность. Это не копия. Господин Эбель волен распорядиться ею по своему усмотрению.

– Слушаюсь, господин Кёрбель, – промямлил Шпаан севшим голосом.

– Скажите, он причастен к работам по созданию уранового котла L-IV, на котором число рождающихся нейтронов превысило число поглощенных?

– Так точно, год назад...

– Он ведь взорвался?

– Так точно... Но впоследствии успех господина Гейзенберга был зафиксирован и развит в других лабораториях. В Дортмунде, например...

– Что ж, – улыбнулся Шелленберг, шлепнув себя по колену, – полагаю, многоуважаемые Краббе и Шпаан могут быть свободны. Помните, господа, главное сегодня – это создание готовых урановых боезапасов, а не чистая наука, как бы нам этого ни хотелось, и основным назначением котла пока, увы, является не извлечение энергии, а добыча плутония в объемах, необходимых для производства нового оружия. Надо спешить, друзья мои, надо спешить. Внизу вас ждут стенографисты, они помогут вам составить докладную записку. А мы со штурмбаннфюрером еще немного пошепчемся. Оставшись наедине с Майером, Шелленберг достал из внутреннего кармана золотой портсигар, вынул из него сигарету и закурил.

– Вы не курите, Норберт, – сказал он, – я знаю. А я вот, сами видите.

– Не курю, – согласился Майер. – Но от коньяка бы не отказался.

Шелленберг махнул рукой оберштурмфюреру, чтобы тот принес коньяк.

– Предпочитаете наш?

– Нет. Лучше французский.

Не успев скинуть с губ ироничную усмешку, Шелленберг спросил:

– Так что там с «Норск-гидро»?

Майер принял бокал, отпил и доложил:

– Размещены крупные заказы на производство тяжелой воды, где-то по одному в три недели. Нам удалось организовать утечку через канал в Стокгольме, и англичане проявили интерес. Во всяком случае, запросили подробности, как в феврале, накануне диверсии. Сейчас идет ремонт разрушенных цехов. Много суеты, много грохота, чтобы норвежские крысы могли разглядеть все в деталях и передать своим английским хозяевам.

– Считаете, клонут?

– Пока верят в тяжелую воду, клонут обязательно. К тому же мы усилили ПВО 88-миллиметровыми зенитками и «Эрликонами». А это не шутки. По логике, если мы укрепляем оборону – значит объект имеет для нас большую ценность.

А что производит объект? Тяжелую воду. А зачем она? Я бы на их месте клонул.

– Если англичане совершат новый налет на норвежский завод, обещаю вам повышение и отпуск в Альпах. (Майер недоверчиво ухмыльнулся.) Сейчас важно выиграть время. Пусть считают, что без тяжелой воды нам бомбу не вытянуть.

– Они там и так перегрызлись в Лос-Аламосе. Высокая концентрация научных светил на одном пятачке до добра не доведет. Каждый тянет одеяло на себя, спорят, ругаются. Однако дело хоть со скрипом, но все-таки продвигается.

– Я знаю. – Шелленберг подумал и повторил: – Знаю... Но так не всегда будет, понимаете? – В его руке появился брелок для ключей в виде веселого солнца, которое легким движением заменялось грустным месяцем. Некоторое время он механически вертел его в руке, потом задумчиво произнес: – А бомба-то будет. – Он опять помолчал и вздохнул: – Бомба будет непременно... Вам не страшно, Норберт?

– Страшно, господин штандартенфюрер. – Майер поскреб ногтем шрам на подбородке. – Но я не очень представляю себе, как это выглядит. Бомба, взрыв...

– Обещаю вам, вы увидите все своими глазами. Через три месяца... – Шелленберг глубоко затянулся, выпустил дым через ноздри и тщательно загасил в пепельнице недокуренную сигарету. – Почему, черт возьми, Эбель пошел в гестапо?

– А куда ему было идти?

– Есть же курирующие инстанции. Но идти в районное отделение тайной полиции! Старый идиот.

– Он растерялся. Такая семейная тайна, и вдруг появляется тип, который грозит все сдать гестапо, если не будет вербовки. Вот он и побежал туда каяться.

– А почему вы так уверены, что это непременно англичанин?

– Он бредит по-английски.

– Значит, они применили к нему методы устрашения, – поморщился Шелленберг. – Мда, Мюллер предсказуем. Всегда спешит, чтобы рапортовать первым. А того не уяснил, что разведка и контрразведка – это кабинетная работа.

Майер развел руками. Шелленберг некоторое время думал, потом сказал:

– Вот что, Норберт, немедленно поезжайте на Принц-Альбрехт-штрассе и посмотрите, в каком он состоянии, что говорит и говорит ли вообще. И если в этом еще есть смысл, заберите его к нам. Разрешение с факсимильной подписью рейхсфюрера возьмёте у Фрица. Если возникнут вопросы, звоните.

Майер поднялся, но Шелленберг удержал его:

– Вы должны понимать, Норберт, нам срочно необходим новый, но уже действующий канал связи с Лондоном, которому безоговорочно верят англичане, а еще лучше, если и американцы. Вот под этим ракурсом и рассматривайте все ваши действия.

Москва, НКВД СССР, 20–22 мая

Хромовые сапоги наркома госбезопасности Меркулова тихо поскрипывали, когда во время совещания он, подобно Сталину, прохаживался вдоль стола за спинами подчиненных, и этот унылый, назойливый звук раздражал Ванина, мешал сосредоточиться. Вот уже сорок минут он и недавно назначенный начальник отделения научно-технической разведки Костин излагали наркому свои соображения по поводу донесений, полученных из источников, близких к разработке уранового оружия в Германии, Великобритании и США. Страна на пределе сил и возможностей готовилась к решающей битве с вермахтом на курско-орловском рубеже, и в этом тяжелом контексте задачей Ванина было, опираясь на показания закордонной агентуры, донести до высшего руководства острую озабоченность по поводу прорывных достижений немцев (но в не меньшей степени и американцев) в создании нового типа оружия массового уничтожения.

– Таким образом, сопоставив полученные за последний месяц донесения из Берлина, Вашингтона и Берна, проанализировав их в совокупности, с привлечением имеющихся разработок наших физиков, мы делаем вывод... – Ванин запнулся, собираясь с мыслями. Бросив взгляд на застывшего, как изваяние, Костина, он продолжил: – У нас есть весомые основания считать, что развитие урановой программы в Германии вошло в экстремальную фазу. Немцы могут получить оружие огромной разрушительной силы в самом ближайшем будущем.

Меркулов вернулся к столу и сел в кресло, откинул назад длинную челку, раскурил оставленную в пепельнице папиросу.

– Все это очень не вовремя, – сказал он. – Вот вы говорите, доклад... Гиммлер передал доклад. А что в этом докладе? Может, обычная сводка новостей из института Вильгельма.

– Обстоятельства указывают, что доклад содержит нечто большее.

– Нечто большее, – повторил Меркулов. – Но что конкретно?

– Этого мы не знаем. – Ванин прекрасно понимал шаткость своей позиции, основанной скорее на интуиции, которой разведчик зачастую верит больше, чем очевидным фактам. – Мы не знаем всех подробностей, товарищ нарком, они разбросаны. Понимаете, хоть она и засекреченная программа, но в общих чертах периодически о ней сообщалось высшему руководству. А тут Гиммлер, по сути, послушался Гитлера и отказался от запланированного доклада. Это не в характере Гиммлера, он таких фортелей себе никогда не позволял. Тем более что утечки (мы полагаем, осознанные утечки) по урановому проекту по-прежнему происходят – и ничего. Наша агентура в Германии получила жесткое задание максимально активизироваться на этом направлении. К тому же у нас имеется возможность следить за американцами, а американцы следят за немцами. И даже если немцы ведут с ними игру, то все равно по привлекаемым ресурсам и возникающим задачам можно судить о прогрессе германских физиков.

– А что говорит наука? – спросил нарком.

– Я встречался с Курчатовым. Он полностью разделяет нашу озабоченность.

– Отвлекать средства в такой момент... – Меркулов опять поднялся и начал мерять кабинет широким, тяжелым шагом. – Вы понимаете, что в любом случае это будет предметом вашей персональной ответственности?

– Понимаю, товарищ нарком.

– В таком случае что вы хотите, Павел Михайлович?

– Учитывая, что лаборатория номер два, по сути, начала работу с нуля, срочно требуется резкая аккумуляция средств и возможностей, чтобы Курчатов мог не думать о материальной базе и полностью сосредоточиться на работе.

Необходим прорыв. – Голос Ванина дрогнул и неожиданно сел. – Это огромные средства, товарищ нарком. У Костина есть первоначальные сметы. Но мы... но я считаю, что других вариантов нет. Идет гонка, и я не уверен, что опасаться нам нужно одних только немцев... Поэтому прошу доложить товарищу Сталину.

Меркулов задумался. Пепел от догоревшей папиросы обрушился на ковер. Нарком отдавал себе отчет, что от предложения Ванина уже невозможно отмахнуться, поскольку работа его группы вышла на результат, но и подставлять свою голову под горячую руку верховного нарком опасался. За одно такое предложение в столь неподходящий момент можно было поплатиться, и не только званием. Поэтому он принял единственно верное, с его точки зрения, решение.

– Хорошо, комиссар. Раз вы отдаете себе отчет о последствиях, давайте вместе изложим ваши соображения для начала товарищу Берии. Все-таки он член ГКО. Подготовьте-ка докладную – страницу текста, не больше. Долго разговаривать не придется.

На удивление скоро секретарь Берии доложил, что нарком внутренних дел примет Меркулова и Ванина утром ровно в 8.25. До глубокой ночи Ванин, Костин и двое сотрудников лаборатории Курчатова анализировали данные разведки, сопоставляя их с выводами ядерщиков, чтобы максимально аргументированно обосновать свои заключения. Время от времени в кабинете появлялся Валюшкин со стаканами чая в мельхиоровых подстаканниках, сокрушенно вздыхал, глядя на чихающего комиссара, и подсовывал Ванину аспирин. Ванин отмахивался, злился, но, в конце концов, прервался и осипшим голосом послал адъютанта по матери. Валюшкин не обиделся, как будто даже отстал, но, выждав немного, вынудил-таки Ванина проглотить таблетку.

– Что у вас? – сухо спросил Берия, не отрываясь от бумаг.

Меркулов метнул в сторону Ванина вопросительный взгляд и, подтянувшись, неуверенно сказал:

– Разрешите доложить (Берия кивнул). Есть у нас, Лаврентий Павлович, соображения, так сказать... мысли касательно урановых программ наших англо-американских союзников и немцев. Есть подозрение... Да вот, собственно, товарищ Ванин, у него серьезные сомнения по этому вопросу, о чем он сам и доложит.

Ванин сделал шаг вперед:

– Разрешите, товарищ нарком?

Берия опять кивнул, и Ванин положил на стол составленную ночью докладную записку с грифом «Совершенно секретно». Берия снял пенсне, тщательно протер стекла, закрепил его обратно на переносице и погрузился в чтение. Вблизи Ванина поразил оттенок его лица – мертвенно-серый, указывающий на предельное истощение сил.

– Что с голосом, бригадир? – продолжая читать, спросил нарком. Иногда он в шутку называл Ванина бригадиром, намекая на его крестьянское происхождение.

– Сел.

Дочитав докладную до точки, Берия какое-то время сидел молча, поглаживая подбородок тонкими пальцами. Затем поднял голову – зловеще блеснули стекла пенсне.

– Значит, вот так взять и выделить... – Он откинулся на спинку кресла. – Прямо сегодня, без промедления открыть отрасль в народном хозяйстве. Так, что ли, Ванин?

Комиссар поправил ворот кителя.

– Так, товарищ нарком. Считаю, что выбора и времени у нас нет.

Берия снял пенсне и выразительно посмотрел сперва на Ванина, потом на Меркулова, который готов был провалиться сквозь землю.

– Я открою вам маленькую государственную тайну. Знаете, что это? – Он указал на бумаги, которые изучал перед их приходом. – Это сводки по выпуску танков на уральских заводах. И знаете, чем я занят? Я пытаюсь свести концы с концами, чтобы понять, сколько гусеничной техники можно передать на Кавказ, где мы ведем контрнаступление. Как вы дума-

ете, сколько? – Берия помолчал и сам ответил: – Нисколько. Потому что вся бронетехника идет под Курск. Вся. А вы пришли с предложением открыть целую отрасль, параметры которой весьма туманны. Так?

– Так.

– А если так, то где точные обоснования вашего предложения? – Берия потряс докладной запиской Ванина. – Этого мало.

– Я знаю, товарищ нарком.

– Знаешь, – повторил Берия и принялся что-то небрежно чертить на бумаге. – Есть новости от Квасникова?

– Осваивается пока. Скоро будут.

– А что наша агентура в Германии?

– Они стараются.

– Значит, плохо стараются.

– Товарищ нарком, вам известно, что, в отличие от американцев, немцы разбросали свои лаборатории по всему рейху. Каждая занята только своим участком, и никто, кроме нескольких физиков, не видит целой картины. В этом вся трудность.

– Это, как в сказке, никто не видит слона целиком, – вставил Меркулов.

– Англичане ведь тоже не спят. Их волнуют те же вопросы, но немцы играют с ними, как кошка с мышкой. Полагаю, их отставание в работе над бомбой есть результат этой игры. Тем не менее мы идем как бы с двух сторон: сами ищем и смотрим за англичанами, у которых хорошая сеть в рейхе.

– Нужны не сказки про слона, а факты. – Тихий голос Берии звучал ровно, без эмоций. – В такую минуту работают только факты.

– Факты будут, товарищ нарком, – заверил Ванин. – Но мы опаздываем. Союзники не станут делиться с нами своими успехами. Нам нужен собственный Лос-Аламос. К тому же то, к чему идут американцы, возможно, уже получили физики Гейзенберга.

– Пока мы опаздываем, твои ставки будут расти, бригадир, – хмуро заметил Берия и угрожающе стукнул пальцем по столу: – Но гляди.

Повисло напряженное молчание.

– Что же ты, Всеволод, не поставил своей подписи под докладной? – обратился Берия к Меркулову. – Здесь есть подпись Ванина. А где твоя?

– Да я хоть сейчас... – встрепенулся Меркулов.

– Э-э, не надо. Теперь не надо.

Все опять замолчали. Берия склонился над своими бумагами и тихо подытожил:

– Я поговорю с верховным. Но запомни, Ванин, твоего автографа я не снимаю. – И добавил: – В приемной стоит тарелка с перцем. Возьми стручок. Простуду как рукой снимет.

Поворачиваясь, комиссар краем глаза разглядел, что рисовал Берия на краю бумажной страницы. Это была женская головка в чихтикопи поверх развевающейся накидки.

Москва, Кремль, 23 мая

Разговор с верховным был недолгим. Сразу после заседания Государственного комитета обороны Берия попросил Сталина уделить ему несколько минут.

– Понимаю, Лаврентий, хорошо понимаю. Но не сейчас. – Сталин был бледен, раздражен. Он похудел, старый китель с потертыми пуговицами сделался ему великоват, одна кисть почти скрылась в рукаве. Он выбил пепел из трубки в деревянную пепельницу и развел руками: – Пусть Курчатов немного подождет. Мы дали ему лабораторию, вернули с фронта всех физиков. Пусть работают. Для тебя сегодня на повестке один вопрос – «Цитадель», так и скажи Ванину. Больше информации, больше, точнее. Под Курском решается исход войны, а ты хочешь перетянуть ресурсы на науку? Мы и так на пределе. Знаешь лозунг «Все для фронта, все для победы»? Так вот, это – честный лозунг.

– И тем не менее я прошу обратить более пристальное внимание на докладную Ванина, – не отставал Берия. – Многое указывает на то, что немцы подошли к прорыву в создании оружия огромной силы поражения. Не меньше беспокойства у нас вызывает работа англичан и американцев. В Лос-Аламосе построен целый город. Это сейчас они нам союзники, а как только получат урановую пушку, нам несдобровать, если...

– Да понимаю я, что они гангстеры, – проворчал Сталин. – Лучше бы эта сволочь подумала о Втором фронте.

– Англичане рвутся к секретам немецких ядерщиков. Нам нужно их опасаться.

– Мы тоже рвемся. И что? Есть там к чему рваться?

– Докладная основана на надежных данных, Иосиф Виссарионович.

– Что ты мне подсовываешь эту бумажку! – возмутился Сталин. – Что я, сам не понимаю, как это важно? Но сейчас я думаю о том, что мы вступаем в бой, не успев переоснастить тридцатьчетверки 85-миллиметровыми пушками, что у нас несколько сотен Яков выпустили с дефектной обшивкой. Вот о чем я думаю. И ты об этом думай пока.

– Знаю, Иосиф Виссарионович. Разберемся, выявим...

– Не надо, – оборвал Сталин. – Нет времени выявлять. Работать надо, дело делать. Навыявляли уже... Иди.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Поняв, что развивать эту тему дальше становится небезопасно, Берия повернулся и пошел к выходу.

– Постой.

Нарком замер на месте.

– Это не шутки, Лаврентий, – словно перебарывая себя, сказал Сталин. – Распрячь лошадей на переправе – это не шутки. Дай мне больше сведений по урановым разработкам немцев. И узнай, насколько далеко наши союзники продвинулись в нелегальных контактах с немецкими специалистами. Тогда и поговорим.

Вечером Берия позвонил Ванину.

– Значит, вот что, Павел, – сказал он с легким грузинским акцентом, – держи меня постоянно в курсе по этой теме. Напрямую звони, понял?

24 мая

В этот день сразу несколько резидентов советской разведки в пяти странах получили шифrogramму примерно одного смысла. В Берлин был направлен следующий текст:

«Рихтеру.

Нами получены данные о серьезном прогрессе Германии в урановом проекте. Важно в кратчайший срок предпринять максимальные усилия, чтобы выйти на компетентных лиц, имеющих доступ к работе по созданию оружия массового поражения. Будем приветствовать любые сведения, касающиеся доклада Гимmlера, переданного Гитлеру 14 мая. Также необходимо установить, в какой степени английская разведка приблизилась к носителям информации по урановой программе, способна ли она получать достоверные сведения по данной теме. Зеро.

Старик». По согласованию с Берией операцию решено было назвать «Клевер».

Берлин, Шарлоттенбург, 19 мая

Хотя «Шиллер-театр» располагался в трех кварталах от «Адлерхофа», Хартман поехал туда на своем «Опель Адмирал» с откинутым верхом, поскольку не решил, куда направится после спектакля.

Стояла чудесная погода, пропитанная свежестью едва распустившейся листвы. Казалось, город насквозь пропах липовой смолой и цветами сирени. Небесная высь оглашалась беспечным писком стрижей, чертивших стрелы в синей, бездонной дали. Шум моторов, голоса прохожих, топот марширующих сапог звучали в вечернем воздухе как-то по-особенному гулко. Всё как будто замедлилось, притихло, покрылось налетом лени и томного предвкушения неведомой радости.

Давали «Разбойников». Хартман заказал двухместную ложу, изолированную от окружающих, в которой можно было говорить, никому не мешая. Зал не был полон, и даже в партере хватало свободных мест. В ложе его уже дожидался только прибывший из Стокгольма Юнас Виклунд, совладелец фармацевтической компании, которая выросла на поставках в рейх антисептиков и перевязочных средств. Кроме того, Виклунд был племянником Андерсона, который не любил приезжать в Берлин, и Виклунд, имея долю в отеле, принял на себя эту обязанность.

– Меня поражает, Франс, стойкость берлинцев, – сказал Виклунд. – Играть Шиллера, когда вокруг рвутся бомбы, – это дорогого стоит. Между прочим, вы не заметили, предусмотрены тут аварийные выходы на случай, если они начнут рваться?

– Не волнуйтесь, Юнас, – улыбнулся Хартман, – здесь крепкие дубовые кресла. В крайнем случае, спрячемся под них.

Зал постепенно затих. Погас свет, раздвинулся занавес. На сцене в декорациях замка Мооров, одетые в кожаные костюмы, символизирующие Средневековье, стояли двое – старый граф фон Моор и его сын Франц.

– Здоровы ли вы, отец?

– Здоров, мой сын. Ты что-то хотел мне сказать?

– Почта пришла. Письмо из Лейпцига от нашего стряпчего...

– Кстати, о Лейпциге, – тихо сказал Хартман, слегка наклонясь к Виклунду. – Вам что-нибудь говорит фамилия Шварц? Эрвин Шварц?

Виклунд отрицательно покачал головой.

– Он англичанин. Во всяком случае, называет себя англичанином.

– Почему вы говорите о нем?

– Он знает пароль. Вышел на наших людей и хочет встречи через неделю. Говорит, что остался один и без связи. Служит в Имперской палате печати, кажется, переводчиком... Хотя нет, он курирует группу переводчиков. Сказал, что располагает прямым контактом в лейпцигской лаборатории Гейзенберга.

– Это интересно. – Виклунд закурил. Он слышал фамилию Шварц, догадывался, что под ней скрывается агент «Интеллидженс сервис». Ему также было известно, что в Лейпциге оголилась сеть. Однако, поразмыслив, он не стал говорить об этом Хартману, так как любые сведения из лаборатории Гейзенберга стоили риска, за них заплаченного. Политический вес такой информации равнялся национальной независимости, а потому, затянувшись, Виклунд тихо произнес: – Но будьте осторожны. Я наведу справки.

– Хорошо. Я встречу с ним через неделю.

Став посредником между СИС и Хартманом, Юнас Виклунд не взял на себя функции завербованного агента, оставаясь гражданином своей страны и штатным сотрудником шведской Службы госбезопасности, о чем англичане могли догадываться. В СИС внимательно

относились к любому каналу связи, к тому же Хартман до какого-то момента был человеком Виклунда. И хотя можно было предположить, что часть информации сливается шведам, приходилось доверять. Данные по урану намывались, как золотой песок на приисках, и направлялись Виклундом по двум адресам – в Лондон и в Стокгольм.

– Мои доверители, – тихо говорил Хартман, тщательно подбирая слова, – не верят в успех операции «Цитадель». Того же мнения в разной степени придерживается и генералитет вермахта. Советам удалось наладить военное производство за Уралом, мы не пробивались к кавказской нефти, поэтому нет смысла рассчитывать на то, что русские истощатся в схватке на орловско-курском рубеже. Спросите у ваших друзей, хотят ли они после победы над Германией увидеть на своих границах сильного, озлобленного, вооруженного до зубов русского медведя?

Виклунд, казалось, увлекся действием. Он неотрывно смотрел на сцену, где слишком толстый для этой роли Франц изъяснялся в любви несколько перезрелой Амалии.

– Вы сказали «мы». – Светлые усы Виклунда приподнялись в улыбке.

– Да, мы, – вздохнул Хартман. – Ведь я немец, хоть и наполовину. И моя страна ведет войну.

Виклунд сочувственно кивнул:

– И что же ваши доверители могут предложить на сей раз?

– В том случае, если будет найдено понимание между ними и теми, кого представляете вы, патриоты Германии сделают все, чтобы вермахт развернулся против Гитлера и СС. Разумеется, речь не идет о таких людях, как Кейтель, Йодль и им подобных. При соблюдении определенных условий можно нейтрализовать Кессельринга и открыть Сардинию. Такая же история с Лёром в Греции. Насколько я понимаю, именно эти направления наиболее чувствительны для союзников сегодня.

– Кессельринг не поддастся шантажу.

– Значит, будет другой. Абвер – очень сильная организация.

– А что дальше?

– Все, что угодно: переворот, ликвидация, арест. Но результат один – концентрация военной мощи на Востоке. При нейтралитете Англии и США консолидированный германский кулак обрушится на Советскую Россию и поставит ее на колени. В этом случае можно будет рассчитывать на поддержку Японии. А это уже война на два фронта. Без союзников русским не устоять. Разве не этого желает мистер Черчилль?

– А гарантии? Какие гарантии даст новая Германия?

– О гарантиях можно поговорить позже. Вы же понимаете, это движение в обе стороны. Моим доверителям тоже нужны определенные гарантии.

– О, да, конечно. – Виклунд дружелюбно похлопал Хартмана по плечу. – И о каких гарантиях идет речь в данном случае?

– Это предмет отдельного разговора. Но есть одно условие, не подлежащее сомнению: независимость нового руководства должны быть обеспечена. Все остальное допускает компромисс.

– Вы должны назвать хотя бы одну фамилию.

– Хорошо... Зондерфюрер фон Донаньи.

– Угу, – кивнул Виклунд. – Штаб Канариса?

На сцене Косинский надрывно рассказывал о своей любви к Амалии. Помолчав пару минут, Виклунд сказал:

– У Канариса масса возможностей вести диалог за пределами рейха...

– А вы ему верите?

Вопрос Хартмана повис в воздухе.

– На Канариса рассчитывать не приходится, – пояснил Хартман. – Он нерешителен, чувство долга в нем сильнее чувства справедливости. Есть более надежные люди.

– У них есть влияние?

– Несомненно, – заверил Хартман и сразу добавил: – Впрочем, адмирал в курсе моей миссии.

– Франс, мы знакомы много лет. – Усы Виклунда опять поползли вверх. – Вам я безоговорочно верю. Но на дворе уже сорок третий. А люди Канариса по-прежнему много говорят, да мало что делают. У моих друзей создается впечатление, что их ресурс весьма и весьма ограничен.

– Что ж, моя задача – донести их позицию. А делать выводы будете самостоятельно. Поговорим об этом позже. Знаете, Юнас, – заговорщически улыбнулся Хартман, – думаю, не будет большим грехом, если мы сбежим отсюда, не дожидаясь развязки. По-моему, артистам сегодня не до нас. Поедемте в отель ужинать.

– Боялся вам это предложить.

– Вот и славно. Угощу вас тушеным кроликом с мозельским траминером.

– Разве война уже кончилась?

– Для кого как, Юнас. Для кого как.

Они покинули ложу под бездушные вопли целующего родную землю разбойника Карла. По дороге к машине Хартман скороговоркой сказал:

– Да, Юнас, чтобы вы понимали: неделю назад в Рейхсканцелярии прошло закрытое совещание, в ходе которого Гиммлер передал фюреру специальный доклад, содержащий сведения о прорыве германских физиков в создании уранового оружия. Гитлер хотел, чтобы Гиммлер выступил по этой теме, но тот демонстративно отказался. – Он помолчал и добавил: – Это к вопросу о ресурсе моих доверителей.

Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, 8, РСХА, IV управление, Гестапо, 17 мая

Созданное на рубеже веков в модном на тот момент югендстиле, позже дополненное помпезными фигурами рукодельницы и скульптора-резчика над главным входом, легкое, изящное здание на Принц-Альбрехт-штрассе когда-то было центром прикладного искусства. Вместе с примыкавшим к нему музеем этнографии оно представляло собой оазис для любителей вязания, вышивания, лепки,ковки и прочих народных радостей. Теперь в нем размещалась штаб-квартира государственной тайной полиции или, говоря коротко, гестапо.

По приказанию Шелленберга Норберт Майер срочно прибыл на Принц-Альбрехт-штрассе. Стремительным шагом он пронесся по широкой, просторной галерее, связывающей главное здание со вспомогательным корпусом. Меж огромных окон, установленные на высоких постаментах, мелькали черные головы Гитлера, Вильгельма, Бисмарка. Стук подбитых каблучков с резонирующим треском отзывался в ажурных сводах. Внутри было на удивление тихо. Немногочисленные служащие передвигались по безликим коридорам со спокойной, деловой сосредоточенностью, и если разговаривали, то вполголоса. Тишину нарушал лишь глухой стук пишущих машинок, доносившийся из-за закрытых дверей. И хотя весеннее солнце закатывало в просторные окна тонны веселого майского света, административный холод буквально сковывал ведомство Генриха Мюллера, который терпеть не мог даже малейших отклонений от заведенного порядка.

Обладая циркуляром Гиммлера, обязывающим без рассуждений выполнять распоряжения его подателя, Майеру не составило большого труда прорваться сквозь чашу резолюций и согласований, которые пронизали всю систему управления рейха, но для РСХА стали настоящим проклятием. Наконец, он добрался до заместителя начальника внутренней тюрьмы, размещавшейся в левом крыле второго корпуса. Им оказался старый знакомый Майера, толстый, неповоротливый гауптштурмфюрер Зайберт, когда-то служивший в системе СД. Зайберта все видели и помнили с куском пищи за щекой. Не стала исключением и эта встреча: на письменном столе у гауптштурмфюрера дымилась сосиска.

– Здесь редко появляется начальство, – пояснил Зайберт с добродушной улыбкой. – Хочешь?

– Как тебя сюда занесло? – поинтересовался Майер, отказавшись от угощения.

– А что? Тут как у Христа за пазухой. Спокойно. Никто не лезет. А главное, – толстяк перешел на шепот, – отсюда не сдернут на передовую. Ты-то здесь зачем?

– Вот распоряжение рейхсфюрера. Мне нужно увидеть заключенного Шварца.

– Шварца? – Зайберт порылся в журнале и ткнул пухлым пальцем в нужную строчку. – Он же – Кевин Берг. Англичанин. Его доставили пять дней назад. Ну, что же, пойдём. Я тебя провожу. А то заблудишься. У нас это запросто.

Они спустились на нулевой этаж. Оттуда по винтовой лестнице – в подвальное помещение. Далее – по широкому, холодному коридору вдоль тюремных камер. Всю дорогу Зайберт трещал без умолку:

– Этому Шварцу не повезло. Его допрашивали в одной камере с французом, которому сперва выдавили глаз, а потом разбили мошонку. И Шварц все это видел. Представляешь?

– А сам Шварц, что с ним?

– Маленько перестарались, – ответил Зайберт, не переставая жевать. – Но жить будет. Вообще-то, его, можно сказать, пощадили. Могли бы ему выдавить глаз и отбить мошонку. А француз бы смотрел. Вот, пришли, восьмая камера.

– Останься здесь, – сказал Майер.

В углу тесного бокса на грязном, заблеванном матрасе сидел окровавленный человек и с ужасом смотрел на вошедшего. Плечи его сотрясались в непроизвольной судороге. Майер постоял некоторое время, внимательно разглядывая Шварца. Потом сказал:

– Встать.

Англичанин довольно легко поднялся на ноги.

– Повернуться.

Тот неуверенно повернулся к стене. Штаны его были измазаны в крови и фекалиях. Майер почесал шрам на подбородке и молча вышел в коридор.

Они вернулись в кабинет Зайберта.

– Скажи, какие увечья были ему нанесены?

– Сейчас посмотрим. – Зайберт достал из стола журнал допросов, полистал и доложил: – Значит, так: к нему применили допрос третьей степени. И вот... ага... ему вырвали ногти на двух пальцах левой руки: мизинец и безымянный. Еще есть гематома под правым глазом. Да, в общем-то, все. О внутренних повреждениях, сам понимаешь, нам ничего неизвестно.

– Хорошо, – сказал Майер холодно. – Помойте его, переоденьте. И через час доставьте наверх. Я его забираю.

– Надо согласовать с начальством, – неуверенно промямлил Зайберт.

Майер, не оборачиваясь, бросил:

– А рейхсфюрер тебе уже не начальство?

Берлин, Кройцберг, 25 мая

Вилли Гесслицу недавно исполнилось пятьдесят четыре, но выглядел он на десять лет старше. К своему возрасту он нажил тугой, как мяч, выпирающий пивной живот, покрытые куперозной сеткой брыли и мясистый нос опереточного фельдфебеля. Рядом с ним его жена Нора, которая была всего лишь на год моложе, казалась жертвой неравного брака. Их отношения не изобиловали внешними сантиментами, однако чувства всегда оставались неизменно глубокими и искренними.

– Мне все время неловко перед Крюгерами, – сказала Нора, ставя на стол тарелку с тушеной капустой и колбасой. – У них трое детей, а по карточкам мало что можно купить. Ты не будешь против, если я отдам им рыбные консервы? Все равно ты их не любишь.

– Конечно, – кивнул Гесслиц, приступая к ужину.

Нора сняла фартук и села напротив мужа. Ей нравилось смотреть, как он ест.

– Ты знаешь Агату Кох? – спросил Нора. – Оказывается, она – наполовину еврейка. Вчера гестапо арестовало ее мать и хочет выслать ее куда-то в Моравию. Никогда бы не подумала: блондинка, голубые глаза. Отец пропал где-то в Испании, и теперь она ищет подтверждающие документы, чтобы добиться отсрочки. Ей так и сказали: «Найдите что-нибудь об отце. Это поможет». Скажи, у тебя нет возможности разузнать?

– Как фамилия?

– Ну, Кох же. Отто Кох. Он служил где-то в авиации.

– Хорошо, – сказал Гесслиц, – я узнаю.

– Сегодня на Маркетплатц приезжали фермеры. Я купила репу и капусту. Думала взять пять яблок, но сорок три пфеннига за фунт – это, по-моему, слишком. Стали шуметь, хотели уже вызвать бюро по контролю за ценами. Но, в конце концов, разобрали по сорок. И пока я ходила, яблоки кончились.

Гесслиц оторвался от еды и потрепал жену по щеке:

– Ничего, старушка. Обойдемся.

– Да, звонила Герда, – вспомнила Нора. – Зовет нас в Кведлинбург. Там тихо, будто нет никакой войны. Яблони зацвели, вишни. Водопровод работает почти круглосуточно. И карточки не нужны – в лавках полно еды. Ты уже позабыл, как выглядит моя сестра.

– Было бы хорошо, чтобы ты к ней поехала.

– А ты?

– Слишком много работы. – Он ласково заглянул ей в лицо. – Поезжай, старушка, в Берлине беспокойно. Бомбежки только усилятся. Поезжай.

– Нет. – Голос Норы стал твердым. – Никуда без тебя я не поеду. И всё об этом.

Гесслиц тяжело вздохнул. Медленно раскурил сигарету, кряхтя, поднялся и выглянул в окно, приоткрыв штору. По пустой, темной улице в направлении тускло освещенной пивной, подпирая друг друга плечами, брели смутные пьяницы.

– И все-таки было бы лучше, чтобы ты уехала, – повторил он.

– Ты будешь принимать ванну? – беспечным тоном спросила Нора. – Сегодня дали вдруг воду.

– Позже, – сказал он.

– Поторопись. – Нора занялась чисткой сковороды. – Вчера, когда ты дежурил, на три часа отключили электричество. А сегодня есть и то, и другое. Какая радость.

В глубине улицы остановилось такси. Из него вынырнула темная фигура и исчезла в пивной. Вновь загорелись фары, машина уехала.

– Пойду-ка я выпью пива, – буркнул Гесслиц и, не дожидаясь отклика супруги, решительно вышел из дома. Заметно прихрамывая на левую ногу, Гесслиц заковылял в пивную, именуемую «Черная жаба», куда он ходил последние четверть века, с того момента, когда здесь была наспех возведена неказистая постройка и семья Ломмерцхайма открыла в ней немудреную закусочную. Ее владелец рыжий Ханс, известный под кличкой Ломми, прославился, когда на просьбу закрыть свое заведение на спецобслуживание, поскольку в него решил наведаться сам Гинденбург, пожелавший увидеть своими глазами, как живет простой народ, он якобы ответил отказом, заявив: «Мы открыты всегда и для всех». Правда это или нет, но легенда сделала заведение Ломми популярным в Кройцберге и работала на его кошелек до сих пор. Во всяком случае, первое, что видел посетитель, заходя в «Черную жабу», был большой фото-портрет бывшего рейхспрезидента, висящий над барной стойкой.

Кивнув Ломми, который, завидев его, сразу стал наливать литровую кружку «Берлинер киндль», Гесслиц прошел в дальний угол и плюхнулся за стол против крепко сложенного блондина в потертой кожаной куртке авиатора. Звали блондина Оле Дундерс, он был фольксдойч, из латвийских немцев, по отцу – латыш, по матери – чистокровный русский из староверов, что являлось глубочайшей тайной, поскольку во всех документах его матерью значилась немка Аннемари Дитрихс. Будучи комиссованным по причине контузии, Оле числился за гаражным управлением Германского трудового союза, выполняя ремонтные работы, связанные в основном с грузовым транспортом, отчего его пальцы всегда были покрыты въевшимся темным налетом.

В ожидании пива Гесслиц решил развлечь Оле.

– Хочешь анекдот? – спросил он.

– Давай.

– Значит, так, в полицейском участке звонит телефон. «Полиция, скорее приезжайте! Тут подрались педерасты и проститутки!» – «Ну, и как там наши?»

Гесслиц призывно хохотнул, но от Оле не последовало никакой реакции. В его голубых глазах так и застыло вопрошающее спокойствие. Вилли смущенно примолк.

С кружкой, объятая стекающей пеной, подошел Ломми, в сиреневой бабочке и старом, мокром, потрескавшемся фартуке – Ломми наливал пиво с небрежной щедростью, разбрызгивая его во все стороны.

– Слушай, Ханс, хочешь хороший анекдот расскажу? – обратился к нему Гесслиц.

– Хороший? – недоверчиво уточнил Ломми. – Ну, если хороший, рассказывай.

На всякий случай Гесслиц хохотнул и принялся излагать:

– Звонит в полицейском участке телефон. «Приезжайте скорее! Здесь дерутся педерасты и проститутки!» – «Ну и как там наши?»

После сурового молчания Ломми без тени улыбки заметил с неистребимым швабским акцентом:

– Ну, и что от вас ждать? Быки – они и есть быки. Даже шутить по-человечески не умеете.

– Да у нас все участки третий день ухохатываются! – возмутился Гесслиц. И тогда только, глядя на его растерянную физиономию, Оле не сдержался и прыснул от смеха.

Вилли Гесслиц был полицейским. И не просто полицейским, а старым, прожженным быком. Он начинал с уличного патрулирования в двадцатых, ловил бандитов, стоял в оцеплении, громил опиумные притоны и вербовал проституток. К закату Веймарской республики Гесслиц уже сам командовал теми, кто рисковал головой на беспокойных улицах Берлина. Будучи криминальинспектором, он не чурался грязной работы, вникая во все самолично, что вызывало уважение по обе стороны правопорядка.

Именно тогда, на пике событий, повернувших рейх к нацизму, Гесслиц познакомился с комиссаром отдела по борьбе с наркотиками Артуром Небе, прикрыв его в громком деле о пропаже килограмма кокаина с полки вещественных доказательств уголовной полиции. Небе

не забыл услуги и позже, став начальником V-го управления РСХА – криминальной полиции рейха (крипо) – в звании группенфюрера СС, взял Гесслица к себе.

С этого момента доверие между ними все время росло. Ко времени начала восточной кампании Гесслиц, сохранив за собой право участия в резонансных делах, стал доверенным лицом группенфюрера и порученцем в скрытом диалоге с оппозиционными офицерами в абвере. Как многие в рейхе, Небе понимал, что Гитлер ведет Германию к катастрофе, и в этой катастрофе выживут не все. Небе хотел выжить. Именно поэтому в окружение начштаба абвера Остера, ищущего взаимопонимания с англосаксами, стала поступать информация из внутреннего круга СС. Для Небе это не было делом принципа. Осторожно, на ощупь хитрый лис искал прямой контакт с теми, кто рано или поздно станет судить немцев судом победителя. И в этих поисках Гесслиц был незаменим.

Выпив треть кружки, Вилли вытер салфеткой пену с губ и тихо, стараясь совпасть с шумом в зале, хмуро сообщил:

– Значит так, пришла шифровка из Центра. Просят ускорить работу с источниками, связанными с урановыми исследованиями. Хотят узнать содержание доклада Гимmlера по чудо-оружию, который он передал фюреру 14-го. И еще. Надо выяснить, как далеко продвинулась в этом направлении разведка союзников. – Он замолчал. Потом добавил: – Это всё. В конце стоит «Зеро». Особая срочность.

– Ого, – охнул Оле.

Гесслиц молчал, глядя в стол.

– Мы же не физики, – покачал головой Оле. – Что мы можем? Только топчемся на одном месте. Дали бы нам физика, что ли... Не знаю, как у союзников, а у нас пока пусто. Там СС, носа не просунуть... Сколько пытались уже, чуть не сгорели. Это же надо самим там работать, понимать, чтобы хоть что-то...

– У нас есть задание, дружок. Мы должны его добросовестно выполнить. Точка. Передай текст Баварцу.

Оба замолчали.

– Может, с англичанином выйдет? – Оле на всякий случай улыбнулся. – В Лейпциге большая лаборатория. Может, там и есть ключ? Может, и правда он вышел на Эбея?

По скулам Гесслица прокатились желваки:

– Когда встреча?

– Десятого, в час. На рыночной в Панкове. Там людно в это время, обеденный перерыв. Он знает меня в лицо. Мы пройдем в кафе «Лютер», где будет ждать Баварец.

– Опасно.

– Да... Но такой шанс. Прямоком в берлогу к Вайцеккеру. И потом, он же назвал пароль. Говорит, потерял связь – радистов загребли на фронт. Похоже на правду.

– Мы не успеем проверить.

– Я считаю, надо рискнуть. Ничего другого у нас сейчас все равно нет.

Оба знали, что самое дорогое и самое непоправимое в работе разведчика – это доверие. Доверие – но не доверчивость.

После долгой паузы Гесслиц кивнул головой и загасил сигарету:

– Хорошо, Оле. Будь осторожен.

Возвращаясь домой, Гесслиц хромал больше обычного, вдруг разболелась нога. В июне 41-го Небе возглавил айнзатцгруппу В, направлявшуюся в оккупированную Белоруссию исключительно с одной задачей – истребление евреев, цыган и коммунистов, – и первым, кого назначил своим помощником Небе, был Гесслиц. Чтобы не ехать, Гесслиц организовал уличную потасовку с перестрелкой, которую он якобы пытался пресечь, и шальная пуля впиалась ему в ногу. Правда, угодила она в кость, разорвав сухожилие. Целевая группа смерти уехала без него, доверие Небе не пошатнулось, а нога так и осталась покалеченной.

Гесслиц возвращался домой и думал, чего им ждать от внезапно свалившегося на их голову союзника по фамилии Шварц?

Далем, резиденция рейхсфюрера СС, 27 мая

Обед на вилле Гиммлера в фешенебельном берлинском пригороде Далем проходил по единожды принятому и никогда не нарушавшемуся распорядку. Два денщика в фартуках поверх белых кителей по-военному четко вносили блюда и забирали использованную посуду. Скромный стол не отличался разнообразием, он предсказуемо состоял из мясного бульона, шницеля с картофельным пюре и яблочного сока. Гиммлер любил повторять, что во время войны жизнь в тылу не должна отличаться от жизни в окопах. Предельно щепетильный в денежных вопросах, не истративший ни единого пфеннига, выходящего за пределы официальных 24 тысяч марок в год, он презирал неутолимую страсть к роскоши Геринга, Геббельса и покойного Гейдриха. «Моя мечта – умереть бедным», – говорил Гиммлер, и в этом не было ни капли позерства. Все доходы от коммерческой деятельности СС уходили на нужды «черного ордена», на содержание лагерей, научные исследования, помощь раненым, на вдов и осиротевших детей эсэсовцев.

Не разделявший подобного аскетизма Шелленберг тяготился застольями у своего шефа, но делал вид, что испытывает удовольствие от угощений и обстановки холодного практицизма, пронизавшего быт рейхсфюрера. Впрочем, сама столовая, в которой происходило действие, производила благоприятное впечатление. Выкрашенные в терракотовый цвет стены удачно гармонировали с массивными темно-коричневыми консолями, а керамическая облицовка старинной печи в цветах и узорах смотрелась даже легкомысленно.

За обедом, как обычно, говорили обо всем, кроме служебных дел, и это тоже относилось к своду традиций, коему неукоснительно следовал рейхсфюрер. На сей раз речь зашла о методах, которыми утверждали свою власть Фридрих Великий и Генрих I Птицелов. Гиммлер считал, что положение Генриха накануне битвы с венграми при Риате было сходным с нынешним положением фюрера перед сражением на курско-орловском рубеже. Фридрих с таким выбором не сталкивался и потому был мягче. При этом Гиммлер заметил, что, в отличие от Птицелова, располагавшего сильной, отдохнувшей армией, в распоряжении Гитлера оказался потрепанный, нерешительный вермахт с мягкотелыми генералами. «Исход этой битвы сомнителен», – неожиданно сказал Гиммлер и отложил приборы, задумавшись. Шелленберг не стал возражать. Стараясь акцентировать внимание шефа, он вывел разговор на стратегический талант Генриха, особенно по отношению к венграм, которым армия саксонского герцога уступала по всем параметрам. Чтобы не потерять королевства, Птицелов заключил с венграми девятилетнее перемирие, позволившее ему, несмотря на выплату большой ежегодной дани, накопить силы и победить мадьяров при Риате. Шелленберг внимательно посмотрел в непроницаемое лицо шефа. Тот, помолчав, заметил, что военная хитрость всегда предшествует дипломатической, и, допив свой кофе, закурил сигару.

В течение последовавшего затем двухчасового совещания Шелленберг напряженно размышлял, насколько приемлемо вывести Гиммлера на прямой разговор именно сейчас. Безусловно, это был хоть и тонко просчитанный, но все-таки риск, и ничто не могло умалить его непредсказуемой опасности. Вместе с тем довольно близкие отношения, установившиеся между ними за последний год, допускали резерв доверия, позволявший без роковых последствий либо продвинуться дальше в нужном вопросе, либо отступить назад, либо остаться на месте, объяснив его обсуждение попыткой взвесить все за и против.

Ровно в четыре часа Гиммлер прервал совещание. Он должен был лететь в полевую ставку СС «Хохвальд», самолет ждал его на аэродроме Темпельхоф в восемь. Чтобы лишний раз прогуляться по парку, Гиммлер иногда приказывал водителю ждать его с обратной стороны виллы. Шелленберг навязался ему в компанию.

– Зная ваши привычки, я тоже решил бросить машину с той стороны, – улыбаясь, пояснил он.

Они пошли по вымощенной серым камнем тропе. Неожиданно Гиммлер замер возле небольшого муравейника.

– Вот, Шелленберг, – сказал он, глядя на копошащихся насекомых, – вы считаете, что ваша жизнь бесценна и важнее жизни всех этих тварей вместе взятых. Однако в понимании даже одного из этих муравьев или собаки, что лает где-то там, или вон того воробья ваша жизнь существенно менее ценна, чем каждого из них. Не странно ли это?

– Странно, рейхсфюрер, – согласился Шелленберг. – Но их мнение никто не спрашивает.

– А ваше? – Гиммлер ободряюще усмехнулся. – Это шутка, штандартенфюрер... Идемте. У меня мало времени. Вы хотите что-то сказать.

Юмору Гиммлера была присуща некая зловещая зашифрованность, понимать которую можно было по-разному.

– Рейхсфюрер, – начал Шелленберг деловым тоном, – мне нужна ваша негласная резолюция. И вот в каком вопросе.

– Вы поэтому решили поговорить со мной на улице? Бойтесь прослушки?

– От вас ничего не скроешь.

– Будьте кратки, Шелленберг.

– Конечно. Так вот, вам, безусловно, известно, что высокопоставленные чины в окружении Канариса – не все, но их число постоянно растет – прилагают усилия, чтобы выступить против режима национал-социализма. Они постоянно расширяют прямые связи с англо-американцами, пытаясь договориться с ними о будущем рейха. Пока союзники не очень-то им доверяют. Но это пока.

– Чего они хотят? – отрывисто спросил Гиммлер.

– Они хотят голову фюрера.

– В каком смысле?

– В идеале, они хотели бы его судить.

– Но вы понимаете, что это невозможно.

– Конечно, рейхсфюрер. Однако со временем пожелания могут меняться. Дело не в том, что мы их не трогаем. Дело в том, что их не трогает Мюллер, которому тоже много чего известно.

– Говорите яснее.

– Не секрет, что Мюллер чуть ли не ежедневно носит доклады фюреру через вашу голову. Он прекрасно понимает, что военная удача может и не вернуться. И буду с вами откровенен, меня тоже терзают такие сомнения. Мюллер ищет покровителя. Он ждет, когда власть рухнет под натиском ренегатов из вермахта, чтобы передуть их, как штурмовиков Рема, и перехватить инициативу.

– Я так понимаю, что этого ждете и вы.

– Мы, рейхсфюрер, – мягко поправил Шелленберг. – Если позволите, мы... Важно, чтобы в случае такого развития говорили с нами, а не с теми, кого обхаживает Мюллер. И еще. Даже эта сволочь Риббентроп, и тот располагает активным дипломатическим аппаратом, не говоря уж об абвере. У нас такого контакта до сих пор нет. Мы, конечно, работаем с источниками и в Стокгольме, и в Берне, но нам пока не верят.

– Что же вы предлагаете?

– Найти надежный канал связи, которому безусловно доверяют западные союзники, чтобы иметь возможность контролировать ситуацию и, по необходимости, управлять ею.

– Иными словами, если отбросить эвфемизмы, вы предлагаете за спиной фюрера открыть канал сепаратных переговоров с врагом? – Повисла напряженная пауза. – Не рано ли? – спросил наконец Гиммлер.

– Думаю, в самый раз. – Голос Шелленберга не дрогнул. – Открыть торг – не означает договориться. Это – процесс.

– А что вы можете им предложить?

– Зависит от того, как будет развиваться ситуация. Однако надо понимать, что чем дальше, тем меньше остается того, что бы они согласились принять... И это предмет наших размышлений.

– А по сути?

– Мы будем интересны им в качестве тарана против большевизма. Тот, кто окажется у власти в случае... неожиданного исхода, получит ключи от будущего Германии. Я бы хотел, чтобы этим человеком были вы.

– Так какая же резолюция вам нужна? – По холодному, одутловатому лицу Гимmlера нельзя было ничего сказать о его чувствах.

– Мне будет достаточно того, что вы об этом знаете.

Завидев приближающегося рейхсфюрера, его телохранитель вытянулся во фронт; водитель предусмотрительно открыл дверь бронированного «Мерседеса». Прежде чем сесть на заднее сиденье, Гимmlер сверкнул очками в глаза Шелленбергу и задумчиво произнес:

– Так вот зачем вы вспомнили о перемирии Птицелова с венграми, штандартенфюрер?

И ничего более не прибавив, занырнул в машину.

**Берлин, Беркаерштрассе, 32,
РСХА, VI управление, СД,
27 мая**

Шелленберг вернулся на Беркаерштрассе, где размещался его аппарат, в смутном расположении духа. Гиммлер не сказал ничего определенного, и теперь над головой Шелленберга повис дамоклов меч. Хотя, с той же вероятностью, никакого меча вовсе и не было. Оставалось лишь гадать, к какому решению придет рейхсфюрер и к каким последствиям оно приведет. Шелленберг, разумеется, не считал, что Гиммлера с его безумным антисемитизмом и концлагерями примут в качестве альтернативы Гитлеру западные союзники, но без санкции рейхсфюрера он опасался начинать игру, в которой намерен был сыграть свою партию. Впрочем, шеф СД не обольщался, он отлично понимал, что подобные приказы отдаются молча.

Секретарь Краузе, молодой, исполнительный унтерштурмфюрер с блестящим пробором на маленькой, цыплячьей голове, тихо кашлянув, доложил обо всем, что произошло в отсутствие шефа, и напомнил, что в комнате допросов его дожидается штурмбаннфюрер Майер.

– Хорошо, – сказал Шелленберг. – Приготовьте три кофе и принесите туда. Я буду через пять минут.

Шелленберг легко сбежал по пустой лестнице на этаж ниже, где в длинном коридоре маялся от бездействия Майер. При появлении шефа он бодро щелкнул каблуками и вытянул руку в приветствии.

– Идемте, – бросил Шелленберг, не останавливаясь.

Увидев высокопоставленного эсэсовского офицера, арестованный Шварц поднялся на ноги и невольно вытянул руки по швам. На нем была чистая одежда, состоявшая из выглаженных брюк, клетчатой рубашки и пиджака с хлястиком. Он был коротко подстрижен. Под глазом бугром выпирала гематома, пальцы левой руки забинтованы. В глазах Шварца застыл животный страх.

Шелленберг уселся на стул, закинул ногу на ногу. Острые глаза изучающе вцепились в арестованного.

– Не надо стоять, – сказал Шелленберг. – Сядьте.

Майер передал ему черную папку. Шелленберг погрузился в чтение.

Раздался стук в дверь, на пороге возник Краузе с подносом, на котором дымились три чашки кофе.

– Кому, штандартенфюрер? – нагнувшись, спросил Краузе.

Шелленберг оторвался от чтения и недовольно проворчал:

– Вы что, не видите? На подносе три кофе. Нас – трое.

– Слушаюсь. – Краузе быстро расставил чашки и удалился.

Шварц неуверенно взял чашку и отхлебнул кофе. Кончив читать его дело, Шелленберг захлопнул папку и жестким тоном спросил:

– Полагаю, вы не хотите вернуться туда, откуда мы вас вытащили?

Глаза Шварца наполнились слезой, он мелко затряс головой.

– Прошу вас, господин штандартенфюрер.

– Будем считать, не хотите. – Из кармана брюк Шелленберг достал носовой платок и затер им пятно на голенище своего сапога. – В таком случае вы должны нам помочь, хотя бы из благодарности. Тем более наболтали вы довольно, чтобы английские друзья поставили вас к стенке. Поэтому давайте идти до конца, Шварц, или как вас там, если не хотите вернуться в камеру гестапо – а вас там ждут. Будете курить?

– Пожалуйста, – попросил Шварц.

Майер передал ему сигарету и поднес зажигалку.

– Вы сказали, что видели только одного. – Шелленберг постучал пальцем по лежащей на колене папке. – Блондин, светлые глаза, крепкое телосложение, зовут Отто. Впрочем, имя, конечно, фиктивное. Судя по всему, это связной.

– Да, – подхватил Шварц, – он сказал, что приведет меня к резиденту.

– Панков, рыночная площадь, десятого июня, в час пополудни. Все верно?

– Да, так.

– Место – их инициатива?

– Да-да.

– Пароль?

– Пароль не нужен. Я знаю его в лицо.

– И он вас тоже.

– Да.

– Этот канал, он старый?

– Думаю, несколько лет.

– Почему вы никогда не пересекались?

– У нас разные кураторы в СИС. Не было необходимости. Мы ничего о них не знали.

– Почему они вам поверили?

– Думаю, им важно получить сведения из лейпцигской лаборатории. Я обратился к ним до того, как Эбель... проинформировал гестапо. К тому же я знаю пароль.

– Хорошо. – Шелленберг вернул папку Майеру. – Но имейте в виду, Шварц, если хоть что-то, хоть самая малость, пойдет не так, как мы с вами договорились, то прямо с рыночной площади вы отправитесь в следственную тюрьму гестапо. И больше мы с вами не встретимся... – Он помолчал и прибавил: – На этом свете.

– Не сомневайтесь, господин штандартенфюрер, – всхлипнул Шварц и неожиданно перекрестился.

Шелленберг пружинисто поднялся на ноги и, не сказав больше ни слова, вышел в коридор. Майер сопровождал его до кабинета.

– Постарайтесь до десятого справиться с гематомой, – говорил Шелленберг. – Кормите его от пуза, пусть много спит. Создайте ему человеческие условия на одной из наших конспиративных квартир. И вот еще что, на пальцы натяните что-нибудь... ну, вроде резинового напальчника телесного цвета. Одним словом, приведите его в чувство. И пусть перестанет трястись.

Ванзее, 29 мая

Чтобы вывезти Дори на Ванзее, Хартману пришлось оформить специальное выездное разрешение, подписанное военным комендантом Берлина фон Хазе. Неожиданно резко похолодало, установилась странная погода, когда облака несутся по ясному небу, точно табун испуганных лошадей, и солнце, как в калейдоскопе, беспрестанно покрывает землю изменчивыми узорами. По густо-синей равнине озера, разбегаясь во все стороны, струилась взволнованная дрожь. Небольшие волны с хлюпающим плеском вяло колотились под мостками, проложенными меж качающихся лодок и катеров. В отдалении беспечно кучерявился пышной зеленью Лебединый остров. Из каштановых кущ мирно выглядывали черепичные крыши загородных вилл. Казалось, тихий покой установился тут навечно. И только скользящие по тревожной воде солнечные прожекторы наводили на мысли о войне и бомбежках.

– Боже мой, какая тишина, – промолвила Дори. – Люди покинули этот мир.

Они дошли до края мостков, где кто-то забыл стульчик для рыбной ловли.

– Еще недавно здесь было полно ресторанчиков и кафе, – сказал Хартман. – Звучала музыка. Гуляли люди. А теперь все сидят дома.

– Или гибнут на фронте, – хмуро дополнила Дори.

– Скоро все вновь оживет. Вот увидите.

– Не верится, – вздохнула она.

– Как же получилось, Дори, что, живя в Берлине, вы ни разу не были на Ванзее? – сменил тему Хартман.

– Не приходило в голову приехать сюда. У нас в Кройцберге, знаете, свои курорты.

Девушка села на стульчик, кутаясь в тот же шерстяной жакет, который был на ней во время их первой встречи. Хартман показал ей бумажный пакет, прихваченный им из машины.

– Я взял вино, – сказал он. – Но забыл бокалы.

Дори улыбнулась:

– Что ж, будем пить из горлышка.

Он сел рядом на доски, привалившись спиной к перилам, извлек из пиджака штопор, ловко вынул пробку и протянул ей бутылку.

– Это правда, что где-то здесь живет Геринг? – спросила Дори, отпив вина.

– Правда. Вон там, на острове.

– Должно быть, это государственная тайна?

– Конечно. Если бы он так часто не хвастался своим особняком.

Она вернула ему бутылку:

– Чудесное вино.

– Мозельское. Из старых запасов.

– Я уже забыла его вкус.

– В немецком много сахара и мало солнца. Я угощу вас испанским, из Каталонии.

– А мы до войны любили французское. Его разбавляют водой.

– О, не обязательно.

– Отдавайте бутылку, – засмеялась Дори. – А то мне не останется.

Она поднесла горлышко к губам, и сквозь зеленое стекло ударило солнце. Хартман зажмурился, но не смог отнять глаз от светящейся головки девушки.

– По-моему, это лучшее из того, что может предложить алкоголь, – воскликнула Дори.

– Не забывайте, – самодовольно усмехнулся Хартман, – я ведь наполовину испанец и разбираюсь в вине не понаслышке.

По старой тропе, вздыбленной разросшимися корнями могучих дубов, они вышли к небольшой танцплощадке на опушке парка, где трое дряхлых инвалидов, вооруженных аккордеоном, трубой-пикколо и парой эстрадных барабанов, пытались сладить нехитрую мелодию. Труба заметно фальшивила, барабан сбивался с ритма, но в целом звучание получалось сносным.

– Эта паршивая пикколо никуда не годится, – возмутился худой трубач с искривленными, артритными пальцами, обращаясь почему-то к Хартману, которого видел впервые. – Звук высокий – ей только с концертной дудеть. Вот была у меня труба, лучше не бывает – так жена продала, зараза. Проели. А эту и не купит никто. Насмешка на инструмент, и только. А труба была чистая, тысяча девятисотого года, мой господин. Я ею на танцах играл.

– А что, старики, «Голубой вальс» можете? – спросил Хартман.

– Это который Штрауса? – уточнил полный аккордеонист в берете, придавленный собственным инструментом.

– Нет, это другой. – Хартман тихонько напел мелодию.

– А-а, это? Знаю, – кивнул трубач. – Это мы играли. Ну, помните?

И немного посоветовавшись, пожилые музыканты нестройно, но энергично затянули старый медленный вальс, под который когда-то танцевали их дети, что послужило Хартману основанием пригласить Дори на танец.

От нее пахло дешевой галантереей и чистыми волосами. Худенькие руки невесомо легли ему на плечи, на лице появилось сосредоточенное выражение. И хотя в рисунке тела, в манерах девушки проступала некоторая угловатость, движения ее были исполнены природного изящества и естества.

– Я вам очень благодарна за брата, – тихо сказала Дори, глядя ему в грудь.

– Пустяки. Тем более он и правда угодил под горячую руку.

– Отто хочет поблагодарить вас лично.

– В этом нет необходимости... Впрочем, если этого хотите вы, то можете заглянуть вместе с ним как-нибудь утром в отель. За завтраком я почти всегда свободен.

Она подняла на него свои прозрачные, как небо, глаза и улыбнулась:

– Какой прекрасный сегодня день.

– Идемте, Дори, я вас познакомлю со старым другом. – Хартман положил на барабан купюру в пять рейхсмарок и повел ее назад к озеру.

– Ого! – преодолевая одышку, обрадовался толстяк-аккордеонист. – А ведь мы сегодня неплохо заработали, мальчишки!

Во дворе маленького, пряничного домика на краю поселка копошился сгорбленный хозяин с сугробом седых волос на голове. Хартман по-хулигански свистнул ему издали.

– Это мой старый друг Артур. Он рыбак. И рыбачит здесь с самого детства. Я все правильно говорю, Артур? – Хартман обнял старика, который просиял так, словно увидел родного сына. – Ему тесно возле этой лужи. Артуру подавай океан. Вот там бы он развернулся в полную силу.

Из нескольких ничего не значащих для постороннего уха фраз можно было понять, что немало времени они провели, сидя с удочками в лодке посреди водной глади.

– Вот я и говорю, Франс, переезжай ко мне, пока тебя не заграбастали в солдаты. – Артур подслеповато уставился на Дори: – А это что за небесное создание с тобой?

– Это Дори, – сказал Хартман. – И она прекрасна.

– Я вижу, что она прекрасна. Немецким девушкам красоты не занимать. Им нужно с утра до вечера плясать и целоваться с парнями, а не служить этому Гитлеру под бомбами в грязных окопах, чтоб ему пусто было.

– Господи, что ты несешь, Артур? – покачал головой Хартман.

– А что? Чего мне бояться? Он же не Бог. Я тоже слышу эти бомбежки. И они всё ближе. А ему хорошо бы подумать, что он натворил.

– Послушай, так ты по-прежнему ходишь на лодке? – сменил тему Хартман. – Где она?

– Да всё там же. Хочешь покатать девушку?

– Боюсь, уже поздно.

– Тогда у меня для тебя есть сувенир. Ты сам решишь, хожу я на лодке или нет.

Артур с важным видом прошествовал в сарай и появился оттуда с рыбиной, завернутой в «Фелькишер беобахтер».

– Сазан, – торжественно сообщил он. – Пять фунтов. Сегодня утром плавал в озере.

– Ну, уж пять, – шутливо усомнился Хартман. – Где-то, должно быть, три с половиной, не больше.

– Говорю тебе, пять. Хочешь, взвесим? Весы у соседа. Идем?

– Сдаюсь. Почем отдашь?

Старик сделал вид, что задумался, потом протянул ему рыбу:

– Так и быть. Бери даром. Это мой подарок.

Хартман нагнулся, наморщив нос, понюхал морду рыбы и расплылся в улыбке:

– А вот не откажусь, старый волк.

Уходя, они обнялись, и Хартман незаметно сунул купюру в карман куртки Артура. Дори подошла к старику и поцеловала в морщинистую щеку.

– Вы такой славный, Артур, – прошептала она. – Я в вас почти влюблена.

Дойдя до машины, Хартман остановил на девушке изучающий взгляд.

– Знаете, что, Дори, поедemте ко мне домой. Я сделаю такую рыбу, какую вы никогда не едали.

– Честно говоря, я уже забыла вкус рыбы, тем более свежей. – Ее губы задела чуть заметная улыбка. – На что это похоже?

– На что?.. – Хартман схватился за подбородок и закинул голову, устремив взгляд в небо. – Это похоже на тихое утро возле теплого моря. На легкий, переменчивый бриз, когда прикосновение ветра сливается с прикосновением губ. На слабое движение тонкой шелковой занавески в лучах раннего солнца. На белый песок...

– Вы меня соблазняет, Франсиско? – спросила Дори.

– Вероятнее всего – да. – Он посмотрел ей в глаза. – Так как, мы едем?

– Конечно.

«Опель Адмирал» Хартмана сорвался с места.

Стокгольм, ипподром Солвалла, 30 мая

– Этому ипподрому уже шестнадцать лет, и, знаете, мне довелось присутствовать на самом первом забеге. Тогда это была одна небольшая трасса для конных гонок. Сбежался весь Стокгольм. Я даже помню победителя – принц Бальдер. Если не ошибаюсь, он взял тысяча шестьсот крон выигрыша. – Юнас Виклунд неторопливо раскурил моравскую трубку из шведской березы, подаренную ему женой высокопоставленного чиновника из правительства Бенеша, с которой в тридцать четвертом у него случился бурный и обременительный роман. Трубку он использовал в тех случаях, когда в ходе беседы возникала необходимость поразмыслить. – А через три года здесь уже было двести трасс и скачки продолжались целый месяц. В пересчете на американские доллары призовые тогда составили полмиллиона, а сейчас я даже не представляю, сколько. Возможно, что и за миллион.

Стояла характерная для весеннего Стокгольма погода: солнечно, но прохладно. На легком ветру трепетали разноцветные флажки, в воздухе разносился глухой топот скачки, трибуны то и дело вздымались, оглашаясь единодушным воплем, по лестницам, облаченные в белое спортивное трико, разносили фруктовую воду белокурые девушки. Прозвучал гонг – участники забега пролетели линию финиша, над головами взметнулись проигрышные билеты, шум резко стих. Виклунд спросил:

– Вы никогда не играли на скачках по-крупному?

– Ни по-крупному, ни по-мелкому – я не азартный человек, – махнул рукой подполковник Лэм, седовласый англичанин с красным, сухим лицом, одетый в чересчур теплый шерстяной костюм, сотрудник СИС, знакомый Виклунду как доктор Деннисон. Он сидел рядом, положив обе руки на янтарный набалдашник декоративной трости, и наблюдал за происходящим тусклым, незаинтересованным взглядом.

– А я, грешным делом, люблю иногда пощекотать нервы. – Виклунд обнажил крепкие, желтые зубы под пшеничными усами в жизнерадостной улыбке. – Азарт – обратная сторона рутины.

– Так вот, дорогой Юнас, – вернулся к прерванному разговору не расположенный к лирическим отступлениям Лэм, – мы, безусловно, приветствуем любые контакты с внутренним Сопротивлением в Германии, но вот уже пять лет мы слышим одно и то же. Говорить о власти можно было в сороковом, в сорок первом, но сегодня с каждым днем эта тема все менее актуальна. Сегодня нам нужны гарантии и поступки. А их не видно. Люди из абвера слишком нерешительны.

– Им тоже требуются гарантии, – возразил Виклунд.

– Сепаратный мир с немцами через голову Советской России – что может стать поводом для столь радикального разворота? Они знают ответ на этот вопрос?

– Мне кажется, убийство Гитлера могло бы стать весомым основанием.

– Уже нет, – покачал головой Лэм. – Мы и так способны получить всё – с Гитлером или без.

– Вопрос только в количестве жертв.

– Вот именно... А они предлагают нам расплываться со Сталиным, который дерется за троих. Гарантии, Виклунд, гарантии. Пока их способен выдать один только дядюшка Джо. И как-то не заметно, чтобы он истекал кровью.

– Но вы же понимаете, что пирогом придется делиться. Еще неизвестно, чей кусок окажется жирнее.

– Вот об этом мы можем говорить. Что, кроме дружбы, способны предложить люди Хартмана?

– Например, нейтрализовать оборону в Греции и на Сардинии.

– Да-да, Лёр, Кессельринг, – иронично бросил Лэм, но тут же спохватился и, кашлянув, прибавил: – Это интересно.

Передайте Хартману, что это интересно. Пусть дадут побольше конкретики, особенно по группе армий «Е» Лёра.

Лэму было известно, что высадка войск союзников произойдет в другом месте, вероятнее всего на Сицилии. Он сам приложил немало усилий, чтобы уверить абвер в намерении союзников переориентировать высадку на Грецию, участвуя в разработке операции с циничным названием «Мясной фарш», когда в портфеле выброшенного на испанский берег трупа в форме английского офицера были обнаружены соответствующие «документы». И теперь он не рискнул поколебать легенду.

Они возвращались по великолепной липовой аллее, ведущей от ипподрома к центру города. Галька тихо похрустывала под каблуком. Лэм машинально поигрывал тростью и щурился от яркого солнца. Виклунд хмурился, слушал и думал – что из сказанного Дэннисоном может представлять интерес для шведской службы безопасности?

– Видите ли, Юнас, Черчилль ненавидит Гитлера больше, чем Сталина. Пока. Это чувствительный момент. Любая попытка войти в переговоры с немцами сразу напоминает о том, как Гитлер обвел вокруг пальца Чемберлена. В Англии такие трюки помнят долго. А после – Дюнкерк. С тех пор любые формы политики умиротворения вызывают у нашего премьера несварение желудка. Но линия Галифакса, который сейчас является послом в США, на примирение с немцами против Советов, благодаря его связям с американскими верхами, постепенно обретает силу. У янки нет никаких комплексов в отношении рейха и его лидеров. Они поладят с самим чертом, если тот предложит им выгодный процент от сделки.

Три дня назад на стол Черчиллю легло донесение о встрече с Хартманом, который числился завербованным агентом СИС. Черчилль был, как всегда, афористичен. «Я готов договариваться с червями в банке, но до тех пор, пока мне не понадобится самый жирный, чтобы насадить его на крючок», – проворчал он, жуя сигару. «Позвольте заметить, сэр, – взял слово шеф «Интеллидженс сервис» генерал-майор Мензис, – что эти люди приходят к нам не с пустыми руками. Канал Хартмана – надежный канал. Да и адмирал Канарис все эти годы был нам полезен». Черчилль отмахнулся: «Канарис больше ничего не может. Он слаб. Мы будем вести торг только с теми, кто предложит нам исключительный товар. Оплеуха Сталину стоит очень дорого». И Мензис, и Лэм считали, что Черчилль не заглядывает далеко вперед, наслаждаясь властью над обстоятельствами. Но победы русских становились все более опасными для будущего противостояния с большевиками – а в нем никто не сомневался, и Черчилль в первую очередь.

– Это хорошо, что Хартман не выступает от имени Канариса.

– Почему? – удивился Виклунд.

– Адмиралу больше не верят. Нужны новые люди. И даже не люди, а...

Виклунд молчал, дожидаясь, пока Лэм подберет правильные слова.

– Попросите Хартмана аккуратно, ненавязчиво поставить в зависимость нашу готовность принять условия оппозиции от весомых данных по урановым разработкам рейха. Ну, вот хотя бы этот доклад Гимmlера, о котором он упомянул. Что в нем?.. Давайте начнем разговор с этого.

– Вы имеете в виду чудо-оружие?

– Бомбу. – Лэм остановился, тронул Виклунда за пуговицу на пиджаке и посмотрел в сторону. – Я имею в виду бомбу с урановой начинкой. Пусть постараются, раз у них есть такие возможности. Вот тогда мы скорее всего примем их условие.

Помолчав, он добавил:

– Да, и пусть не рассчитывают, что американцы будут снисходительнее. В этом вопросе янки и мы – одно целое. Так и передайте.

Дальнейший разговор касался технических деталей.

Берлин, Панков, 8 июня

Гесслиц ожидал Хартмана в маленькой пивной «Пьяный Ганс», затерянной в узких переулках Панкова. На противоположной стороне была закусочная, где за столиком перед окном, потягивая кофе, расположился Оле. Перед закусочной он выставил свой «Опель». Прохожих на улице почти не было. Несмотря на то, что в середине марта район подвергся авианалету «Ланкастеров» и «Галифаксов», превративших несколько рядов доходных домов в горящие руины вместе с жителями, булыжные мостовые были очищены от мусора и безмятежно блестели на солнце. В уцелевших зданиях жизнь стала даже более насыщенной, чем раньше, поскольку многие семьи приютили у себя в квартирах лишившихся крова соседей. Гесслиц знал этот район как свои пять пальцев: именно здесь он начинал свою карьеру в сыске.

Хартман приехал на такси, которое отпустил за два квартала от места встречи. Ровным шагом он прошел вдоль похожих на выломанные зубы развалин, огражденных наспех сколоченными заборами, мимо старой пекарни, продуктовой лавки с небольшой очередью из усталых женщин, филиала общества организации досуга «Сила через радость» и районного подразделения Германского трудового фронта, в котором наблюдалась деловая суета, свернул на перекрестке налево и, убедившись, что улицы безлюдны, вышел к «Пьяному Гансу». Дверь тихо звякнула. Гесслиц сидел в дальнем углу с кружкой пива. Кроме него в зале находились трое: плотный тип в бретонской кепке, натянутой на бритую голову, перед стойкой, и парочка работяг в синих комбинезонах возле противоположной стены. Среди этой публики ухоженный Хартман, хоть и одетый в самый неброский костюм из своего гардероба, смотрелся залетной птицей.

По тому взгляду, мелкому, оценивающему, которым зацепил Хартмана тип в кепке, по принужденно-расслабленной позе и легкомысленному виду, плохо маскирующему напряжение слуха, Гесслиц безошибочно определил в нем осведомителя районного отделения гестапо, в задачи которого входило наблюдение за любыми подозрительными персонами на вверенном участке с последующим информированием начальства. За это хорошо платили.

У них было минут двадцать, не больше, и все-таки Гесслиц не удержался:

– Хочешь анекдот? Совсем свежий.

Вместо ответа Хартман пожал плечами.

– Значит... это самое... звонит в полицейском участке телефон... во-от... «Эй, тут дерутся проститутки с педерастами!»... А им, значит, это самое, говорят: «Ну и как там наши?»

– Всё? – помолчав, спросил Хартман.

– Всё.

– Понимаешь, я бы посмеялся, честное слово, – сказал он с подчеркнuto серьезным лицом, – но я не понял, кто ваши-то – передасты или проститутки?

– Не знаю, – буркнул Гесслиц. – Вот в полиции все ржут.

– Ну, хорошо, чтобы тебе было приятно, то я тоже поржу. Вот смотри.

Хартман захохотал деревянным хохотом. Гесслиц не сдержался и тоже рассмеялся. Бретонская кепка приникла к кружке. В зал, опираясь на трость, вошел крупный, уса́тый старик в тирольской шляпе, держа за руку мальчика лет шести. Они уселись за соседний столик. Из служебного помещения вышел официант с подносом под мышкой и плывущей походкой приблизился к вновь пришедшим.

– Чего изволите? – с отчужденной любезностью спросил он.

Старик заказал лимонад и сто грамм охлажденного шнапса.

– Ладно, давай говорить, – сказал Гесслиц и отхлебнул пива. – Отсюда не слышно.

– В том, что сообщил тебе Оле, ничего не изменилось. – Хартман сунул в рот сигарету. – Послезавтра, в два часа пополудни, здесь, на площади. Буду я и Оле. Ты не ходи. Как и договорились, если окно моего кабинета не будет приоткрыто – значит что-то пошло не так... Ну, в общем, ты сам знаешь, что тогда делать.

– Угости сигаретой, – сказал Гесслиц. Франс протянул пачку. – Планы Панкова я передал Оле. Он прошел весь маршрут.

– Знаю.

– Там есть свои тонкости. Я кое-что подготовил. На всякий случай.

Еще раз они обозначили все пункты предстоящей встречи со Шварцем на Рыночной площади.

Держа на подносе стакан лимонада и стопку шнапса, официант вернулся к старику с ребенком. Слегка нагнувшись, отведя руку с подносом в сторону, и спросил:

– Кому шнапс?

Старик изумленно посмотрел на него, побагровел от возмущения и ткнул пальцем в мальчишку:

– Ему!

С невозмутимым видом официант поставил шнапс перед ребенком, лимонад – перед стариком и спокойно удалился. Старик сокрушенно выдохнул, покачал головой и поменял стаканы.

Когда всё было оговорено, Гесслиц сказал:

– Вчера от Старика пришла шифровка. Он информирует, что личный врач Гиммлера Феликс Керстен, он гражданин Финляндии, мануальщик, у него клиника в Берлине, что он побывал в Стокгольме и там встретился с Абрахамом Хьюиттом, который является рукой Рузвельта в Швеции и агентом Управления стратегических служб. Вероятно, Гиммлер начал прощупывать почву для контакта с американцами. Вероятно, это была их первая встреча. За нее Гиммлер заплатил тем, что тайно выпустил из лагеря в Голландии небольшую группу евреев.

Хартман задумался, задержав горящую сигарету возле губ.

– А чья это идея? – спросил он. – Сам Гиммлер до такого бы не додумался.

– Судя по всему, это предложил Керстен. Так считают наши. Вероятно, у них есть основания так считать, иначе они бы этого не говорили.

– Разумеется, ни с Борманом, ни с Герингом такая акция не согласовывалась...

– Что угодно, но Гиммлер не похож на самоубийцу.

– Интересно... Это интересно... Такое может позволить себе только один человек в рейхе. – Хартман затянулся, выпустил дым через ноздри и загасил окурочек в оловянной пепельнице. – Хорошо, подумаем над этим после Панкова. Идем?

– погоди, – удержал его Гесслиц, и голос его потеплел. – Тут еще кое-что. Взгляни.

Он выложил перед Франсом две фотокарточки. Франс замер. На одной был чернявый, смеющийся мальчишка лет шести с торчащим кверху чубчиком на бритой голове, в коротких штанишках с одной лямкой. На другой – он в окружении смеющихся детей, позади – женщины в халатах, очевидно, воспитательницы, и трехэтажное здание с облезлыми пилястрами.

– Дом для детей иностранцев в Иваново, – пояснил Гесслиц. – Это километров триста к северу от Москвы. Там хорошее снабжение, свежий воздух... Вот.

– Санька, – улыбнулся Хартман.

Скоро пять лет, как он не видел сына. Когда сестра милосердия из Мадрида Светлана Иваницкая, примкнувшая к терцио «Донна Мария де Молина», в котором русские добровольцы воевали против республиканцев, объявила о своей беременности, Франсиско Хартман немедленно попросил ее руки. На тот момент он работал в штабе каудильо Франко, которого хорошо знал по службе в Марокко, и его отношения с русской эмигранткой длились уже не

первый год. Это была не просто связь: Хартман потерял голову от любви к белокурой красавице с тонкими, аристократическими манерами.

Ее отторжение нацизма, как идеи, как способа жить и чувствовать, постепенно передавалось и ему, тем более что и мать его, чистокровная немка из Кёнигсберга, фамилию которой он перенял, категорически отказывалась принимать происходящее в рейхе, руководимом «этой мразью с грязным мочалом под носом». Поэтому для него не стала большим потрясением открывшаяся связь Светланы с советской разведслужбой.

В 36-м их тайно переправили в Москву, но уже через восемь месяцев было принято решение вернуть Хартмана в Испанию с соответствующей легендой, чтобы затем обеспечить его переезд в Германию.

Он уже работал в Берлине, когда пришло известие о том, что в разгар наступления немцев под Ковелем, где жила дальняя родня жены, Светлана погибла. Приехала навестить тетку и угодила под оккупацию. Ее застрелили на улице при невыясненных обстоятельствах, но стало известно, что прежде прикладами ей разбили ее прекрасное лицо. По решению Центра, об этом Хартману сообщили без щадящих изъятий.

– Откуда это? – спросил Франс.

– Доставили.

– Я могу их взять?

– Нет, Франс. Просто запомни.

Выйдя из «Пьяного Ганса», Гесслиц снял шляпу и пригладил волосы на голове, подав знак Оле. А Хартман еще несколько минут сидел за столом, ссутулившись, и курил, глядя в стол, туда, где только что лежали фотокарточки.

«Опель» Дундерса стоял возле арки в конце пустынного переулка, когда Хартман вышел из пивной и направился в его сторону. Вслед за ним появился тип в кепке, потоптался на входе, потом сунул руки в карманы и пошел за Хартманом на некотором удалении. Оле открыл капот и заглянул под него в двигатель. Хартман медленно прошел мимо, не посмотрев на него. Как только бретонская кепка поравнялась с ним, Оле захлопнул капот.

– Эй, – крикнул он, – не можете завести машину?

– После, – отмахнулся тот.

Из бокового кармана Оле вынул короткий нож и с близкого расстояния воткнул его в спину мужчины. Затем оттащил осевшее тело в глубь арки, не спеша, вернулся к машине, сел в нее и включил зажигание.

Цюрих, Кирхгассе, 2, 10 июня

С балкона пятиэтажного особняка на Кирхгассе открывался чудесный вид на исток Лиммата и антрацитовый простор Цюрихского озера. В сгущающихся сумерках казалось, будто там, за строгой волной моста Квайбрюкке, начинается море. Уже загорелись фонари, загадочно осветились окна, огни неторопливо ползущих машин заполнили темные улицы, но небо все еще оставалось пепельно-светлым. На его фоне зеленый шпиль церкви аббатства Фраумюнстер смотрелся тревожно и даже драматично. По теплomu вечернему воздуху тянулся мягкий, бархатный гул затихающего города.

Служанка вынесла на подносе кофе, воду и хьюмидор с сигарами и выставила все это на столик. В плетеных креслах расположились трое: советник швейцарского Департамента иностранных дел Леон Готье, представитель Торговой палаты США Уильям Льюис и барон Теодор Остензакен. Само здание контролировалось Федеральной военной секретной службой Швейцарии и частенько использовалось как место встречи сотрудников иностранных миссий с различными агентами из третьих стран: контрразведка наблюдала за активностью вокруг таких встреч, не пресекая ее. Предполагалось, что, коль скоро федеральная безопасность гарантирует их надежность, финансовые операции по ним идут через швейцарские банки: это относилось ко всем, включая людей из рейха. Впрочем, этаж, на балконе которого велась непринужденная беседа, последний год был арендован американским торгпредством – со всеми средствами его защиты.

– Ваши страхи относительно жары покажутся смешными, Лео, если вы побываете в Испании, – говорил Остензакен. – Три дня назад я был в Барселоне, так вот там уже тридцать три, а на солнце – так и вовсе под пятьдесят. Сил достает только выбраться из отеля и доползти до моря.

– У нас будет то же самое, – пессимистично отреагировал Готье. – А я не выношу жары. Придется уехать в Альпы.

– Вы, швейцарцы, позабыли боевой дух гельветов, – вставил свое слово Льюис, вытирая платком пот с выбритого затылка. – Когда-то вы противостояли Цезарю, били Габсбургов, а теперь убегаете от жары в горы. Смотрите, как бы Гитлер не повторил опыт императора Конрада с расширением Священной Римской империи.

– Вы имеете в виду операцию Танненбаум? – хмыкнул Готье. – Ну, нет. Без Италии эта затея не имеет смысла. А Италии сейчас не до нас. Разгром в Тунисе скоро приведет к столкновению с вашими войсками на материке. А там...

– Гитлер полон оптимизма. Даже невзирая на Сталинград, – осторожно заметил барон.

– А что ему остается? – поднял брови Льюис. – Накануне битвы полагается излучать оптимизм. Поглядим, какое настроение будет у него после Орла.

– Исход не очевиден.

– Не очевиден, – согласился Льюис. – На днях в Овощных рядах я наблюдал ссору молочницы и торговки зеленью. Зеленщица была существенно покрупнее, массивная, этакая Брунгильда с кулачищами молотобойца. Она все кричала, толкала молочницу, плевалась. Собрались зеваки. Я поставил три франка на зеленщицу – и проиграл. Потому что молочница – такая шупленькая, неказистая – вдруг схватила бидон с молоком и со всего маху огрела им Брунгильду по голове. Только искры из глаз посыпались. – Он развел руки в стороны и усмехнулся: – А на схватке немцев с русскими надеюсь выиграть.

– Вот видите, Уильям, как важно выбрать правильную сторону, не доверяя очевидному, – засмеялся Готье. – А вы говорите о боевом духе гельветов. Кстати, от них ведь осталось одно только имя. А также – воспоминание о боевом духе.

– Иногда мне кажется, что Макиавелли родился в Швейцарии.

Готье достал из кармана часы, сравнил их с огромными курантами на башне Святого Петра, известной всему Цюриху как «толстый Петр», и, вздохнув, поднялся:

– Что ж, друзья мои, мне пора. Надеюсь, еще увидимся до моего отъезда в Альпы.

Являясь агентом Федеральной военной секретной службы, Готье познакомил барона с Уильямом Льюисом и убедился в том, что контакт закрепился. На большее он не рассчитывал, поэтому, дабы не затягивать беспредметную болтовню, Готье решил откланяться. Ему, безусловно, было известно, что Льюис состоит в штате бюро Управления стратегических служб США в Берне, которое вот уже полгода возглавлял очень скромный и обходительный человек по имени Аллен Даллес. Льюис, конечно, обещал посвятить Готье в содержание переговоров с Остензакеном, однако для швейцарской разведки не было секретом, что барон представляет интересы высокопоставленных лиц из СС.

– Понимаете, дорогой Тео (вы позволите вас так называть?), практически все сигналы из Германии – а их, поверьте, становится все больше – в конечном итоге сводятся к одному: давайте обсудим условия мирного договора без требования безоговорочной капитуляции. Ведь так? – Льюис налил себе кофе из кофейника и плеснул в него коньяка. – Я вот, например, по-прежнему поддерживаю любые усилия немецких патриотов ликвидировать режим Гитлера и взять власть в свои руки. Но то я. А наши бонзы пока и слышать об этом не хотят. Не забывайте, что еще не высохли чернила на резолюции Касабланкской конференции, где черным по белому сказано: требуем безоговорочной капитуляции Германии, Италии и Японии. И как же тут быть?

– А разве желание остановить кровопролитие – не аргумент? – спросил Остензакен.

– Аргумент, – согласился Льюис и сразу уточнил: – Вчера. Когда успехи вермахта были очевидны. Когда Роммель гонял англичан по египетской пустыне, русские отступали, немецкие субмарины топили наши корабли. А сегодня – уже не очень. Мы знаем, что многие в вермахте хотят остановить войну. Но задаемся вопросом: имеется ли у них потенциал, чтобы затем взять политическую власть в Германии, когда есть Гитлер, партия, СС? Получается так, что вы хотите принести голову Гитлера и обменять ее на нашу военную победу. Неплохо. Но знайте: в отличие от рейха в США общественное мнение – серьезная сила. Как это все объяснить людям, избирателям, которые голосуют на президентских выборах?

– В Германии вы столкнетесь с упорным сопротивлением, которое погубит тысячи жизней, – растягивая гласные, сказал Остензакен. – А потом уткнетесь в пасть русского медведя. И это в том случае, если рейх падет. А если случится чудо? Вам выгодна дееспособная, управляемая и предсказуемая Германия, не утратившая способности драться.

Льюис вылез из кресла, встал и облокотился о балконный парапет, удерживая сигару в зубах.

– И что ваши друзья могут нам предложить? – спросил он, шурясь от дыма.

– Жесткую систему, способную удержать в кулаке аппарат госуправления в стране.

– Я так понимаю, вы говорите о Службе безопасности?

– Да. Большая иллюзия думать, будто горстка офицеров вермахта сможет перехватить власть и подчинить себе все звенья государственной машины, опираясь только на то, что они убьют фюрера. СС работает, как вон те швейцарские часы. Сегодня это – каркас, стягивающий все сферы жизнедеятельности в рейхе к единому центру. И центр этот – не Гитлер.

– То есть ваши друзья обещают нам Германию без нацизма и – продолжение войны на Восточном фронте.

– Не только. – Остензакен незаметно вытер вспотевшие ладони салфеткой. – В некоторых странах ими создана сеть, обеспечивающая бескровный отход германских войск при вторжении западных союзников в том случае, если эти страны выйдут из сферы влияния рейха.

– Это столь же интересно, сколь невероятно. – Льюис повернулся к барону, скрестив руки на груди. – Тео, – тихо сказал он, – я с большим уважением отношусь к вашему отцу. И невольно задаюсь вопросом: что вас, потомственного аристократа, связывает с людьми из такой организации, как СС?

– Уважение, – ответил Остензакен.

Льюис задержал на нем испытующий взор.

– Как бы там ни было, барон, вашим друзьям надо крепко поразмыслить, что такого они могут положить на чашу весов, чтобы наши интересы уравновесились.

– Я передам им ваши слова, господин Льюис.

– И вот еще что: ни Олендорф, ни Шелленберг, с которыми вы дружны, не могут быть субъектами наших переговоров. В сорок первом году Олендорф руководил айнзатцгруппой Д, истребившей ужасно много евреев на Востоке. А Шелленбергу не простят инцидента в Венло. Мы так и не знаем, живы те два британских агента, которых он самолично похитил на территории Голландии или нет. Шелленберг – гангстер. Это ведь он завалил рынки фальшивыми фунтами. Ему уже никто не поверит. Подумайте об этом.

По Лиммату в сторону озера, громко тарахтя, проползла моторка, нарушив своим шумом гармонию летнего вечера.

Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, 8, РСХА, IV управление, Гестапо, 8 июля

Штурмбаннфюрер Людвиг Ослин, из-за пристрастия к допросам «третьей степени» прозванный Гильотиной, высокий, худой, жесткий, как проволока, криминальديرектор гестапо, принимал своих посетителей столь безэмоционально, что иной раз казалось, будто за столом сидит не живой человек, а механическая кукла. Никто не мог подумать, что он – любящий отец трех маленьких девочек и мальчика, родившегося с тяжелым пороком сердца, которого он заботливо выхаживал. В бесстрастном лице его была какая-то незаконченность, недоделанность, как будто скульптор бросил свою работу на полдороге.

Принимая своих агентов, Ослин редко предлагал им присесть. При этом он никогда не унижал собеседника, никогда не повышал голоса, выдерживая спокойный, корректный тон. Обычно он встречался с ними либо на конспиративной квартире, либо в кафе, но иногда, повинаясь какому-то инстинкту, который подсказывал, что опасения излишни, приглашал агента непосредственно в свой кабинет на Принц-Альбрехт-штрассе.

Дори старалась вывалить перед ним все, что узнала, сразу и как можно скорее. Она стояла возле кресла, переминаясь с ноги на ногу, ломая руки и поеживаясь, точно от холода или озноба.

– Позавчера мы были на приеме у господина фон Хелльдорфа, начальника берлинской полиции, – сбивчиво докладывала Дори. – Франс с ним дружит... Собралось много офицеров... Но не только. Я видела там доктора Зиппельгауэра, актрису, не помню ее фамилии, профессора из Берлинского университета – кажется, Гофман... Очень много было людей. Офицеры закрылись в столовой. Я пошла в смежную комнату и оттуда кое-что услышала.

– Что же?

– Только обрывки разговора. Я поняла, что они обсуждали... лишение фюрера власти. – Дори облизала пересохшие губы. – Они говорили, что фюрер должен уйти... вот.

– Они готовят покушение? – монотонным голосом уточнил Ослин.

– Нет. Просто отстранить, изолировать и... провести потом суд. – Она обернулась на стенографистку, которая с бесстрастным видом делала свое дело.

– Подробнее.

– Подробнее – речь о военных... о том, что вермахт должен возглавить Германию. После переворота открыть фронт перед западными державами. Но прежде надо узнать – согласятся ли они не настаивать на безоговорочной капитуляции, станут ли сотрудничать с новым правительством Германии?.. А с русскими войну не прекращать.

Визиты Дори к Ослину были худшей частью того ада, в который она попала после ареста и помещения в концлагерь Нойенгамме ее родителей: оказалось, что в начале тридцатых отец не просто симпатизировал коммунистам, но даже печатался в «Ди Роте Фаане». И хотя статьи в основном были искусствоведческого характера, в ходе очередной чистки его имя прозвучало в ряду подпольных издателей рабочей газеты до поджога рейхстага.

Дори попала в прицел внимания тайной полиции. Красивую, образованную девушку сначала устроили в АА (МИД), а затем решили свести с управляющим «Адлерхофа», который активно работал на СД и имел массу прелюбопытных контактов с иностранцами. В обмен на сотрудничество гестапо гарантировало ей сносное существование родителей в Нойенгамме, поставив их жизни в зависимость от ее рвения.

– Был с ними Хелльдорф? – спросил Ослин.

– Нет... кажется, нет.

– А Хартман?

Дори опять оглянулась на стенографистку.

– Нет. Он весь вечер играл в бильярд в подвале с оберст-лейтенантом Хайко.

– А кто конкретно находился в этой комнате?

– К сожалению, я не знаю этих людей... их фамилии... Я с ними не знакома.

Ослин открыл ящик стола, достал оттуда конверт и выложил на стол фотографии.

– Подойдите сюда. Кого-нибудь из них узнаете?

Дори неуверенно указала на три фото. Ослин собрал карточки, оставив выбранные ею фотопортреты.

– Запомните, вам это понадобится, – сухо бросил он. – Граф Готфрид фон Бисмарк. Генерал-полковник Людвиг Бек. Советник АА Адам фон Тротт. Я недоволен вами. От вас приходит слишком мало новостей.

– Еще они рассчитывают на абвер. Сказали, что от Канариса мало толку, – поспешно добавила она. – А вот этот, фон Тротт, у него будет встреча с кем-то из представителей Британии на будущей неделе в Португалии. Он едет туда на будущей неделе... да, на будущей неделе. Ему поручено вести переговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.